

РУССКИЕ МИРАЖИ В ШВЕЙЦАРСКИХ АЛЬПАХ (Швейцария и российские социокультурные утопии)

Альпийские курорты, коровы, сыр, шоколад, часы, может быть, еще сенбернарская порода собак, которые с бочонком коньяка на ремешке отыскивают путников, застигнутых лавиной. Возможно, кто-то вспомнит еще эффектную картину В. И. Сурикова «Суворов на Сен-Готарде». За всеми этими образами, связанными в русской культуре с именем Швейцарии, присутствует стойкое представление о народе уравновешенном, довольном жизнью и уверенном в себе. Неспokoйная, вечно необустроенная Россия, мечущаяся между самодержавной тиранией «твердой руки» и вольной волюшкой, между демократией и плутократией, мечтающая о всенародном счастье и пренебрегающая счастьем каждого человека в отдельности, могла бы, кажется, брать с него пример. И действительно, Швейцария стала в русской культурной традиции некой парадигмой, которая начиная с эпохи Петра, а то с более раннего времени тревожила российское сознание необычайностью своей природы и кажущейся идеальностью своей судьбы. Так например, еще в XV в. москвиты были поражены видом Альп («Горы же те <...> толико же высоци суть, облаци впол их ходят <...>. В лете же вар и зной велик в них, но снег же не таяше»)¹. А через век московские послы приметили при французском и папском дворах «свицарских», как они сообщали, служивых людей, или «стрельцов», т. е. особо надежную наемную швейцарскую гвардию².

Экзотичность Швейцарии, впрочем, — особого рода. Страна, по меньшей мере, два века служила русским людям чем-то вроде зеркала, или нравственно-политического «зеркала», в котором отражались социокультурные мечтания и утопические проекты русской общественной мысли. Картины сказочной земли справедливости, таинственного Беловодья народных религиозных преданий, где «мужички-то все богаты», подспудно проецировались на реально существующую страну, образ которой был, впрочем, значительно «подправлен» культурным мифом.

¹ Хождение во Флоренцию (1437–1440) // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1774. С. 305. См. также: Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Л., 1980. С. 31–33. В этом «Хождении» оставила также след швейцарская легенда о Понтии Пилате, якобы погребенном в одном из альпийских озер.

² Там же. С. 190.

Земля, где все и навсегда застыло в блаженстве, — этот миф то раздражает, то умиляет русскую мысль. «Зачем швейцарцам история? Зачем швейцарцам поэзия? Зачем музыка? У них есть красивые озера...», — так воспринял эту страну в 1910 г. мастер парадоксов, философ В. Розанов³. Полвека спустя советский критик также с некоторым раздражением писал о швейцарской сытости, о равнодушии швейцарцев к литературе и о консерватизме их «общинной демократии»⁴. И параллельно продолжал жить восторг русского человека перед самодостаточностью этого литературно-географического феномена. «Забраться бы в Швейцарию, в глушь лесного кантона, — мечтает в революционном 1917 г. (на самом деле — во второй половине XX в.) один из персонажей «Доктора Живаго» Б. Пастернака. — Мир и ясность над озером, небо и горы, и звучный, всему вторящий, настороженный воздух»⁵. Характерно заглавие одного из советских путевых очерков 1980-х годов — «С Карамзиным по Швейцарии». Страна — совершенно иная, в иную эпоху, очень мало походившую на XVIII век, — все еще могла восприниматься русскими гостями в специфическом (по сути дела, полемическом и публицистическом, но мало уже ощущаемом как таковое) карамзинском освещении⁶.

С другой стороны, швейцарский образ России, мысли и представления, которые вызывал и вызывает у коренных альпийских жителей имя нашей страны, еще труднее поддается определению. Он, пожалуй, еще более изменчив исторически, чем швейцарский миф в России. Если в последнем прекрасная и грозная природа гор и нравственно-политические мечты остаются более или менее постоянными компонентами и как-то между собой сочетаются, уравновешивая друг друга, то в швейцарском образе России тема природы возможна лишь в сопоставительном аспекте (похожа страна или не похожа на родину), да и социальные мечтания вторичны. Один из швейцарских путешественников по России, врач и стихотворец С. Бруннер, современник Пушкина, написал поэму «Тоска по Тавриде» («*Sehnsucht nach Taurien*», 1831). Горный Крым напомнил ему родные пейзажи, но в то же время дикость крымской Яйлы, нравы ее обитателей показали швейцарцу еще более близкими к природе

³ Розанов В. В. А. П. Чехов // Розанов В. В. Соч. М., 1990. С. 410–411.

⁴ См.: Затонский Д. Швейцарские эскизы // Затонский Д. В. Зеркала искусства: Статьи о современной зарубежной литературе. М., 1975. С. 299–327.

⁵ Пастернак Б. Доктор Живаго // Новый мир. 1988. № 1. С. 82. Писатель присоединяется здесь к европейской (а не только русской) традиции философского осмысления альпийских пейзажей (И. В. Гете, Ф. Шиллер, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский).

⁶ См.: Попова Н. С Карамзиным по Швейцарии // Иностранная литература. 1981. № 11. С. 242–247.

и к принесенным из дома идеалам руссоизма⁷. Как мы видели, зачатки идеализации нашей страны проявились у европейцев довольно рано, странно сочетаясь со слухами о ее непригодности для жизни.

На Западе вообще, и в Швейцарии в частности, давно сложился и в эпоху Просвещения закрепился образ России как суровой и почти безлюдной страны, простирающейся от Балтийского моря до Китая. В швейцарском переиздании «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера говорилось, что «почти вся сия империя — одна пустынная страна», что население ее «самое малочисленное на свете по отношению к ее протяженности», а «воздух почти во всей России чрезвычайно холоден; снега и льды царят там большую часть года», урожаи хлеба низки, виноградарство отсутствует («Не знают толка в вине, но понимают во льне» — «Il n'y croit point de vin, mais beaucoup de lin»). Раньше Россия была вообще устроена из рук вон плохо. «До царя Петра обычаи, одежды, нравы в России более походили на Азию, нежели на христианскую Европу. <...> Образ правления напонамал оный у турок, из-за войска стрельцов (la milice des strelits), которое, подобно янычарам, порой распорядилось треном и обыкновенно сотрясало его в той же мере, в какой и поддерживало». И тем не менее «строитель Петри (l'ingenieur Petri) и барон Стралемберг (Stralemberg), которые много времени провели в России, рассказывают, что они встречали там больше честных людей, нежели в других странах; и не язычество делает их более добродетельными, но то, что они ведут жизнь поселян (une vie pastorale), вдали от людских сношений и, живя, как во времена, кои именуются первым веком земли; свободные от сильных страстей, они, по необходимости, более склонны к добру»⁸.

Но вот пришел царь-реформатор. «При царствовании Петра, народ русский, обратившись к Европе и расселившись в больших городах, становится цивилизованным, общительным, любопытным к искусствам и наукам, любителем зрелищ и новостей изобретательного ума»⁹.

Впрочем, в швейцарской оценке России чаще всего выступали на передний план экономические и социально-политические ус-

⁷ См.: Brunner S. Ausflug über Constantinopel nach Taurien im Sommer 1831. St. Gallen; Berlin, 1833. Здесь и далее, если не указывается имя переводчика, перевод цитат принадлежит автору статьи.

⁸ Там же. P. 545. Имеются в виду писавшие о России шведские путешественники П. Петрей (начало XVII в.) и Ф. Я. Страленберг (начало XVIII в.).

⁹ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers per une Société de gans de lettres mis en ordre & publié par M. Diderot; & quant à la Partie Mathématique, par M. D'Alambert. A Lausanne et à Berne, 1780. Tome 29. Part 2. P. 541–548.

ловия русской жизни. Если они считались привлекательными, тяготение к России, желание эмигрировать на бескрайние русские просторы (как, впрочем, и в противоположную сторону — за океан, в Америку) проявлялось очень сильно¹⁰. Впоследствии, когда Швейцария и Советская Россия резко и надолго разошлись в официальных политических позициях, общий интерес швейцарцев (конечно, исключая людей левых убеждений) к нашей стране значительно сник. Советскому автору последней трети XX в. пришлось в беседах со швейцарцами с трудом отыскивать следы этого «глубоко запятанного» интереса¹¹.

Тем не менее, люди на Западе уже в очень отдаленном прошлом смотрели на европейский Восток не без любопытства и ждали из глубины континента если не света — пресловутого «ex oriente lux»¹², — то неких духовных побуждений, которых не доставало Европе. Как всегда, Россия и Европа ожидали вестей друг о друге.

Задолго до энциклопедистов, еще в начале XVI в., деятель Реформации, швейцарский гуманист и рыцарь Ульрих фон Гуттен мечтал о благоденствии родных земель, стоит им только освободиться от владычества пап и монастырей. Тогда «не будет богатств — источников зла и соблазна, и никого не совратит с пути изнеженная роскошь...». В борьбе против папства Гуттен рассчитывал на помощь чехов (гуситов), даже на турок, но также и на поддержку со стороны православных народов. «Нас поддержат и греки, — предполагал он, — которые не желают и не могут сносить папскую тиранию и за это, по наущению пап, уже сколько столетий считаются раскольниками». «С нами будут и рутены, — продолжает Гуттен, — которые недавно хотели принять истинную веру, но отшатнулись, после того как его святейшество потребовал от них четыреста тысяч золотых ежегодно»¹³. Гуттен имеет в виду споры между западной и восточной вет-

¹⁰ См.: *Goehrke C. Schweizer Auswanderer in Russland: Ein Überblick // Schweiz — Russland. Россия — Швейцария: Beziehungen und Begegnungen. Zürich, 1989. S. 7–13* (см. в этом сборнике и другие материалы по данной теме).

¹¹ См.: *Попова Н. С Карамзиным по Швейцарии. С. 246.*

¹² Парафраз евангельского рассказа о свете с Востока (Мф. 2, 1) довольно давно стал осмысляться в западной и отечественной публицистике как выражение ожидания новых религиозных или общественно-политических идей из России. О «свете с Востока» велись на Западе споры особенно на заре советской власти; одни вспоминали о философии Вл. Соловьева, другие уже иронизировали над ложным светом большевизма (см.: *Saenger S. Ex oriente lux... // Die Neue Rundschau. 1925. Jg. 36. Bd. 2. S. 992–999.*)

¹³ *Фон Гуттен Ульрих. Послание к курфюрсту Фридриху Саксонскому (1520) // Фон Гуттен Ульрих. Диалоги, публицистика, письма / Сост. и пер. с лат. С. П. Маркиша, статья М. М. Смирнова. М., 1959. С. 315.*

виями церкви, Флорентийскую унию 1438 г., Византию, доживающую свой век, а также и Русь, — по всей вероятности, ее галицийский, или галичский юго-запад. С русскими (точнее — с рутенами, русинами) он связывал смутные надежды на торжество обновленной христианской веры, очищенной от мирских заблуждений римской курии. Не это ли раннее западное и весьма оперативное отражение формировавшейся на рубеже XV и XVI веков русской церковно-политической идеи о Москве как «третьем Риме», об идеальной «Святой Руси», из которой может исходить свет истины¹⁴? Через двести лет сама Россия обратится в мечтах к родине Гуттена. Как сказал поэт,

Россия — расширенный материк,
И голос запада громадно увеличен...¹⁵

В следующих далее очерках попробуем хотя бы отчасти разобраться в характере взаимных отражений России и Швейцарии в течение трех веков общения властей и населения двух стран, в тех идеях и представлениях, мифах, заблуждениях и прозрениях, сквозь которые мы смотрели и смотрим друг на друга. Образ России и эманация ее идей, ее культуры — это для швейцарцев одна из возможностей осознать себя, идентифицировать себя как нацию.

Для России швейцарская тема — часть ее собственной духовной жизни, один из ответов или скорее один из вопросов относительно ее собственного пути, маленький пробный камень ее проблематичной национальной идеи, которая сама по себе пока еще только *desideratum* русской мысли, образ «земли свободы и счастья», если говорить словами Н. Карамзина. Не пытаюсь решить вопрос о пресловутой «русской идее», а только ставя его на примере русско-швейцарских отношений, примем во внимание, во всяком случае, что общение национальных культур, их отражение друг в друге, сколь бы сложным, неровным и противоречивым оно ни было, является одним из условий их существования и развития, включая появление у них национальных идей и концепций, и тем самым делает эти культуры *равновеликими* для историка. Как сказал другой поэт,

¹⁴ Псковский старец Филофей выступил с идеей «третьего Рима» в 1510-х гг., Ульрих фон Гуттен обращает взоры к Московии в 1520-х гг. Сопоставление Москвы с Римом («азиатский», «татарский» Рим) пришло в голову соотечественнице Гуттена мадам де Сталь в начале XIX в. (см.: Мильчина В. А. Петербург и Москва в книге Жермены де Сталь «Десять лет в изгнании»: Две формулы // Образ Петербурга в мировой культуре: Материалы Международной конференции (30 июня — 3 июля 2003 г.). СПб., 2003. С. 80).

¹⁵ Хлебников В. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза. М., 1986. С. 125.

В длани Божией Восток
И Западом владеет Бог!
Юг и Север в мере равной –
Все в руке его державной¹⁶.

І. «Щастливые Швейцары!»

1

Задолго до появления в 1829 г. первого русского перевода драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» и даже задолго до создания Шиллером подлинника (1804) Швейцария стала привлекать к себе русскую мысль. Со своей стороны, швейцарцы начали интересоваться далекой страной — гигантской по сравнению с их узкими горными долинами — преимущественно с первых известий о необыкновенном московитском царе-преобразователе Петре Великом.

Между Петровской Россией и альпийскими кантонами сложились особые отношения. В 1675 г., в ближайшем окружении молодого царя появился, как известно, одаренный и деятельный женевец Франц Лефорт. Он не дожил до XVIII в. (умер в 1699 г.), но открыл дорогу для соотечественников, устремившихся в новую империю, что называется, «на заработки» и для реализации своих талантов, которым было тесно в маленьком мире альпийских городков¹⁷. Отдаленным отзвуком славы Петра в Альпах осталась восторженная подпись к его изображению в «Физиогномических фрагментах» (1770-е годы) цюрихского ученого мечтателя И. К. Лафатера. Бюст русского царя упоминается среди изображений великих людей различных эпох и занятий (Сократ, Колумб, Лютер, Руссо), установленных в саду героя новеллы швейцарского беллетриста Г. Цшокке «Безумец XIX столетия» («Ein Narr des XIX. Jahrhunderts», 1821).

Другим россиянином, оставившим, не менее глубокий след в швейцарском общественном сознании, стал А. В. Суворов. Знаменитый переход русского корпуса через Альпы в сентябре-октябре 1799 г. впервые столкнул швейцарское население непосредственно с русскими людьми из народа.

Жители кантонов было тогда расколоты на сторонников и противников Наполеона, при этом и те, и другие были одинаково движимы патриотическими чувствами, весьма обостренными у швейцарцев. Одни отождествляли Францию с идеалами свободы, ра-

¹⁶ *Goethe J. W. Sämtliche Werke. In 40 Bänden. Stuttgart; Tübingen 1840. Bd. 4. S. 4.*

¹⁷ Назовем такие имена, как математик Л. Эйлер, архитекторы Д. Трезини и Н. Гербель, ученый живописец, советчик Петра в вопросах искусства Г. Гзель и др.

венства и братства, которые были призваны ниспровергнуть власть швейцарского патрициата и феодальные порядки, давившие страну. Другие воспринимали французов как завоевателей и притеснителей. Один швейцарец — Антонио Гамма в качестве проводника вел Суворова горными тропами, другие — их насчитывалось до восемнадцати тысяч — помогали маршалу А. Массене оказывать русским ожесточенное сопротивление. Суворову пришлось составить «Воззвание к обитателям долин Луцернских и Мартинских», в котором он предостерегал их от сотрудничества с неприятелем, обещая милосердие, «если сделаетесь друзьями нашими — если избавитесь от упреков совести, что вы сподвижники тиранов и обольстителей»¹⁸.

Появление русской армии в швейцарских городках несло немало тягот для местного населения, хотя офицеры старались поддерживать моральный дух солдат, а Суворов приказал возмещать жителям их невольные затраты. Сердобольные аборигены готовы были даже бесплатно отдавать почти босым русским солдатам башмаки и чулки, но при этом с удивлением наблюдали, как казаки поедают в садах незрелые фрукты и зачем-то поджигают сennie сараи. Все же из реляций, которые Суворов отправлял Павлу I, видно, что в Альпах русская армия пользовалась менее определенной поддержкой населения, чем до этого в Италии. Не только французы, но и швейцарцы имелись в виду, когда полководец сообщал Павлу, что «неприятель, гнездившийся в ущелинах и в неприступных выгоднейших местоположениях, не может противостоять храбрости войска, являющегося неожиданно на сем новом театре: он всюду прогнан»¹⁹.

Применяя свою тактику неожиданных передвижений, Суворов предварительно изучал будущий театр военных действий и особенности противника. В данном случае он ознакомился не только с рельефом Альп, но и с историей «союза гельветического», ибо считал, что «тактика и дипломатика без светильника истории ничто». Прочные победы швейцарского ополчения над агрессивными соседями, преимущественно над австрийцами (во время похода 1799 г. — союзниками России) убеждали Суворова в том, что русским «надобно выигрывать *сердца* таких героев»²⁰.

¹⁸ См.: Фукс Е. Б. История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя Италийского, графа А. В. Суворова-Рымнического. СПб., 1799. Ч. 2. С. 208–209.

¹⁹ Донесение от 3 (14) октября 1799 г. // Там же. С. 389. Текст сверен по: А. В. Суворов: Документы. М., 1953. Т. 4. С. 350. Осторожные намеки на сложности отношений русского войска с населением встречаются у швейцарского историка; см. русский перевод: *Рединг-Биберегг Р. фон*. Поход Суворова через Швейцарию 24 сентября — 10 октября 1799 г. / Пер. Е. И. Мартынова СПб., 1902 (см. особенно гл. 20).

²⁰ См. письма Е. Фукса, публиковавшиеся в «Вестнике Европы» (1810).

Так намечаются основные компоненты двух образов, сложившихся параллельно и отражающих, в виде социокультурных мифов, историю взаимоотношений двух народов, — русского образа Швейцарии и швейцарского образа России. Надо надеяться, что образы эти станут нам яснее в конце этого небольшого исследования. Но и сейчас попробуем наметить некоторые их основные черты, их «несущие балки».

Перед швейцарцами Россия возникла как страна, породившая надежды на дружелюбие и приязнь со стороны нового просвещенного и очень сильного христианского государства на восточном горизонте Европы. Правда, к надеждам этим рано стали примешиваться опасения относительно европейской политики властителей могучего восточноевропейского колосса.

Русский образ Швейцарии оформился довольно быстро в так называемый «швейцарский миф» — представление о горной стране миролюбивых пастухов, которые, тем не менее, настроены патристически и — что было в этом мифе особенно важным — не терпят над собой никакого насилия ни со стороны внешних врагов, ни со стороны имперской власти, управляясь у себя сами²¹.

Возвращаясь к суворовскому эпизоду швейцарской истории, отметим, что предпринятый по повелению импульсивного императора Павла и имевший, на первый взгляд, мало стратегического смысла, поход голодной и полураздетой русской армии в суровую осеннюю пору через перевал Сен-Готард послужил в исторической перспективе к ослаблению влияния Наполеоновской Франции и укрепил национальную самостоятельность Швейцарской Конфедерации, т. е., как кажется, в конце концов пошел на пользу альпийской стране. Русскому чудаковатому гению-полководцу удалось все-таки завоевать швейцарские сердца. Доказательством этого послужило открытие в 1898 г., к столетию Суворовского похода, памятника в ущелье Шёнелленен — в виде огромного креста-барельефа, высеченного в скале над бурной Ройсой, неподалеку от Чертова моста. В домике на перевале Сен-Готард расположен небольшой музей А. В. Суворова.

Тема альпийской природы и героизма русских войск была подхвачена Г. Державиным — в оде «На переход Альпийских гор» (1799). Первая публикация оды сопровождалась гравюрой, изображающей штурм Чертова моста²².

Ч. 50. № 5. С. 8, 9, 17–20).

²¹ См.: *Brang P.* Zum Schweiz-Mythos in der russischen Literatur // Schweiz — Russland... S. 127–133.

²² <Державин Г. Р.>. Переход в Швейцарии чрез Альпийские горы российских императорских войск под предводительством Генералиссимуса; 1799 года. СПб., 1800.

Другой существенный элемент швейцарского мифа — образы полян, удовлетворенных своим сельским миром, где явный хронотоп вообще отсутствует, а время движется по кругу — определяясь циклами времен года и сельских работ, где смерть приходит лишь как повод к печальным размышлениям («И я жила в Аркадии счастливой!»), но никак не означает конца этого тихого мира.

Античная тема идеальной Аркадии связалась в европейской культуре сентиментализма с представлениями о жителях Альп. Этому способствовали, во-первых, расцвет пасторальной темы природы и сельской жизни в живописи, графике и поэзии раннего Просвещения (К. Лоррен, Дж. Томсон, Г. Брокес) и, во-вторых, широкое влияние в Европе литературы самих швейцарцев — прозы и поэзии А. Галлера, особенно его поэмы «Альпы» («Die Alpen», 1729), идей Ж. Ж. Руссо и, в очень сильной степени, новаторскими для этого времени стихотворениями в прозе — идиллиями цюрихского поэта и художника С. Геснера. «Естественный человек» руссоизма — это прежде всего идеализированный швейцарский крестьянин, какими являлись и пастухи Геснера, и «гельветы» Галлера и патриоты, о которых писал швейцарский врач и публицист И. Г. Циммерман в популярном сочинении «О национальной гордости» («Vom Nationalstolze», 1758), первый русский перевод которого принадлежит перу Д. И. Фонвизина²³. Швейцарский патриотизм пришелся России весьма кстати — он гармонировал с патриотическими чувствами, которые культивировались со времен Северной войны, очень усилились в Елизаветинскую эпоху и поддерживались Екатериной II. Имперская гордость века «матушки-царицы» если и не была еще гражданской, то национальной являлась безусловно. Еще в русском переводе «Географии» И. Гюбнера, отредактированном Петром, говорилось, что в Альпах «каждой швейцар есть солдат за отечество свое». Русские читатели Гюбнера могли легко предположить, что швейцарцам было что защищать, так как они уже достигли мыслимого человеческого совершенства — физического и духовного («жители сами суть плотны телом, к работе добры, простосердечны, верны и правдивы»)²⁴. С развитием в русском обществе гражданского сознания, возвращенного идеями Просвещения и новейшей историей страны, прежде всего Отечественной войной и заграничным походом 1812–1813 годов, швейцарский патриотизм стал восприниматься по-новому: проступила его общественно-политическая основа.

«Там высоко, там довольство духа. Это не пустая мечта», — записывает воспитанник швейцарского педагога И. К. Тоблера и бу-

²³ Рассуждение о национальном любочестии. Из сочинений г. Циммермана. СПб., 1785.

²⁴ Земноводного круга краткое описание <...> чрез Ягана Гибнера. М., 1719. С. 113.

душий идеолог декабризма Н. И. Тургенев в дневнике за октябрь 1811 г., глядя на горы с берега Женевского озера. После посещения часовни Вильгельма Телля, поставленной на том месте, где этот герой, согласно легенде, огромным прыжком перескочил на скалу из лодки, в которой его везли как узника, он пишет: «Иногда между водопадами, утесами, лесами, стоит смиренная хижина. Вид простоты не может не нравиться никому (т. е. всем. — Р. Д.). Иногда великолепие не может уничтожить в сердце человека это чувство, которое сама Природа запечатлела в нем: чувство простоты и самая простота сродни каждому»²⁵.

В 1905 г. Л. Н. Толстой публикует под своей редакцией и с восторженным предисловием сделанный дочерью перевод дневника женевского профессора А. Ф. Амьеля. Толстому в это время обостренно близка мысль автора о простоте образа жизни как о спасении от балласта цивилизации — в общем, довольно традиционная идея швейцарской культуры («Мы слишком много читаем. Надо уметь сбрасывать через борт весь груз своих хлопот, забот и педантизма. Сделаться молодым, простым, превратиться в ребенка, жить настоящей минутой, быть благодарным, наивным и счастливым») ²⁶. Представление о Швейцарии как о «счастливом обиталище простых нравов»²⁷ стало, в свою очередь, русской культурной традицией, так же как и представление о швейцарской свободе.

Швейцарская свобода, в представлении русских, была связана с простотой нравов жителей Альп. «Естественный человек», как и геснеровские пастухи и пастушки, вообще не был озабочен своим государственным или общественным статусом. Тем не менее, именно естественный образ жизни обуславливал состояние свободы. В перечислении добродетелей соотечественников у Альбрехта Галлера упоминалась «вольность, натуральная человеку»²⁸.

Первооткрыватель швейцарской темы в русской литературе, Н. М. Карамзин представил эту страну читателям «Вестника Европы» как «землю свободы и щастия». В переизданиях «Писем русского путешественника» слово «свобода» затем заменялось в этом месте то «тишиной», то «миром», чтобы в последнем прижизненном издании 1820 г. восстановиться в обновленной формуле «земля свободы и благополучия». Исчезновение понятия «счастье» приглушило смысл свободы, превратив ее почти в атрибут обывательского благо-

²⁵ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1913. Вып. 3. С. 99, 111.

²⁶ Из дневника Амьеля / Пер. с франц. М. Л. Толстой под ред. и с предисл. Л. Н. Толстого. 2-е, вновь просм. изд. М., 1905. С. 19.

²⁷ Выражение из «Обозрения важнейших происшествий 1815 года» (Вестник Европы. 1815. Ч. 85. № 2. С. 131).

²⁸ См. перевод «Разговора» А. Галлера в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» (1761. Март. С. 250).

денствия, тогда как вначале формула явно имела некий социальный смысл (текст создавался на рубеже восьмидесятых и девяностых годов — в самый разгар Французской революции!)²⁹. Возможно, в понятии счастья скрыты здесь вторая и третья части лозунга Французской революции «равенство» и «братство», но скрыты они в некоторой полемике с французским радикализмом, так как могли быть оправданы лишь в том случае, если они несли с собой мир и благополучие, а не разрушение и кровь, как в Париже. Карамзин, как известно, был и в молодости чужд политического радикализма. И однако, предположение о государственно-социальном, а не только о нравственном содержании понятия швейцарской свободы у Карамзина подкрепляется всей злободневной направленностью его «Писем»³⁰.

«Щастливые Швейцары! — восклицает Русский Путешественник, въезжая в пределы древней республики, — всякой ли день, всякой ли час благодарите вы Небо за свое щастие, живучи в объятиях прелестной Натуры, *под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному Богу?*»³¹. И в этом месте фраза первоначально — в публикации «Московского журнала» — заканчивалась иначе: «и пред одним Богом наклоняя гордую свою выю?»³² Эта «гордая выя» швейцарцев не вполне уживалась с чувствительным восхищением жизнью альпийских пастухов. В этом выражении сквозила «национальная гордость» Циммермана и Галлера и маячил образ Вильгельма Телля, который легко мог быть истолкован как знак неповиновения властям.

Добродушие и непокорность, миролюбие и любовь к свободе — эти, казалось бы, противоречивые свойства того национального образа швейцарцев, который сложился в Европе³³, удалось гармонично соединить и гениально воплотить в слове Фридриху Шиллеру.

Вклинившись между планами трагедий об английском самозванце Перкине Уорбеке и о российском Лжедмитрии, драма «Вильгельм

²⁹ См.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 97, 425, 627.

³⁰ Анализ швейцарской части «Писем русского путешественника» в сопроводительной статье цитируемого издания, к сожалению, неоправданно краток (см.: Там же. С. 566).

³¹ Там же. С. 102 (курсив наш. — Р. Д.).

³² Там же. С. 426.

³³ Образ этот принадлежит, разумеется, мировой культуре, а не реальной социально-политической истории швейцарских кантонов, в которой он зыбок, исторически изменчив, многогранен и трудноуловим. Но при всем этом, сложившийся в культуре концепт национального характера (image), несмотря на всю его условность и видимую неисторичность, способен отражать некоторую правду, особенно в великих произведениях искусства, иначе он не стал бы их достоянием.

Телль» относится к общей с ними проблематике, волновавшей Шиллера в эпоху между великой революцией и новосозданной империей корсиканского авантюриста. Это — вопросы о роли народа в истории, о взаимоотношениях правителя и «масс». Драма о легендарном крестьянском герое борьбы лесных кантонов против австрийских претензий заслуживает названия народной в большей степени, чем остальные исторические пьесы Шиллера, потому что народ в ней — главное действующее лицо, лишь представленное в фигуре Телля. Выступление крестьян оправдывается полностью и с нравственной и с национальной точки зрения, хотя и не считается единственным путем защиты народной жизни. Отголоском крестьянских войн звучит в четвертом действии драмы утверждение одного из персонажей, что мужики могут в конце концов обойтись и без господ. Руссоистская идея «естественного человека» дополняется идеей естественного права в ее подчеркнута демократическом варианте³⁴. Не случайно российская цензура констатировала, что «вся пьеса не была доселе одобрена к представлению, потому что в пятом действии речь идет об освобождении крестьян...». Имелся в виду перевод А. Ротчева, много обсуждавшийся в печати и допущенный к постановке только один раз, в бенефис А. М. Каратыгина, 10 января 1830 г.³⁵ Идея освобождения крестьян воспринималась в Николаевской России всего через пять лет после событий на Сенатской площади слишком болезненно и буквально.

В пятом действии шиллеровского «Вильгельма Телля» принцип свободы, столь пугавший российскую власть, освобождается от сентиментально-руссоистского налета. Как известно, швейцарцы принимают там разрушать крепость-тюрьму Иго Ури и завершают сюжет (в подлиннике) троекратным кличем: «Свобода! Свобода! Свобода!». Это уже очень напоминает французскую «liberté». Один из основных принципов века Просвещения — воспитание нравственного и потому *внутренне свободного* человека подвергается заметному пересмотру. Парадоксальным образом сам же Телль, создание Шиллера, грозит увести читателей и зрителей от любимой шиллеровской идеи «эстетического воспитания»³⁶ в область национальной и политической борьбы.

Со времени появления драмы Шиллера социальное содержание швейцарского мифа еще прочнее связалось с образом легендарного

³⁴ В частности, см.: *Foi M. C. Schillers «Wilhelm Tell»: Menschenrechte, Menschenwürde und die Würde der Frauen // Jahrbuch der Deutschen Schillogesellschaft. 2001. Bd. 45. S. 193–223.*

³⁵ См.: Шиллер в России // Театр. 1955. № 5. С. 143–145.

³⁶ Один из ранних русских адептов шиллеровской эстетики, В. И. Оболенский писал в «Атене» за 1828 г.: «... глубокомысленный Шиллер, говоря о просвещении, полагает главным условием облагородствовать, возвысить побуждения посредством изящества, красоты» (Ч. 3. № 12. С. 361).

Вильгельма Телля. Как это не раз бывало с героями произведений Шиллера, герои эти принимались утверждать несколько иные принципы, чем те, которыми руководствовалась авторская мысль.

Идеалы Просвещения, заслуги французской «Энциклопедии», а заодно косвенно и просветительский пафос Екатерининского царствования подвергает ревизии в духе шиллеровского Телля Николай Тургенев. Возможно, среди прочего, этому способствовали впечатления, полученные им в путешествии по старым швейцарским кантонам. Кажется, именно опыт швейцарской истории (наряду с итогами Французской революции) мог подсказать молодому русскому мыслителю подобные выводы: «Есть ли верить словам тех, которые говорят, что образованность и свобода рождаются единственно от просвещения, — пишет Н. Тургенев брату Сергею в 1817 г., — и что хорошие писатели всего более действуют на образованность, есть ли верить словам сим, то в последние 30 лет мы должны бы уйти вперед и в образованности и в свободе. Но опыт не подтверждает слов сих. <...> Свобода, устроительство гражданское производит и образованность и просвещение. Одно просвещение никогда не доведет до свободы. Франция прежде революции была в сем случае убедительным доказательством. Напротив того, одна свобода неминуемо ведет к просвещению»³⁷. Через пятнадцать лет, в 1833 г., брат Николая Тургенева Александр побывает у часовни Телля на Цугском озере и по-своему повторит ту же мысль: «Для того чтобы Галлер мог постигать природу и воспевать ее, Иоганн Мюллер оживлять тлеющие хартии, а Бонштетен любезничать — надлежало за 5 веков явиться Теллю и оттолкнуть ладью, которая несла Геслера и судьбу его»³⁸. Но и до этого тема Телля затрагивалась в переписке братьев Тургеневых³⁹.

А. И. Герцен сравнивал с Теллем то бунтующего русского мужика, то декабриста П. И. Пестеля, то Дж. Гарибальди⁴⁰. В «Былом

³⁷ Письмо к С. И. Тургеневу от 14 ноября 1817 г. // Декабрист Н. И. Тургенев. М.: Л., 1936. С. 241. (Курсив наш. — Р. Д.).

³⁸ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) М.; Л., 1964. С. 37. Имеются в виду историк Швейцарии Иоганн Мюллер (1752–1809) и швейцарский ученый и просветитель Шарль-Виктор Бонштеттен (1745–1832), почетный член Петербургской Академии наук. Геслер — австрийский наместник, которого, согласно легенде, Телль убил выстрелом из лука.

³⁹ Побывав в Дрездене на спектакле «Вильгельм Телль», Александр Тургенев сообщает брату 28 августа 1827 г.: «Эта пиеса была как бы прологом моего швейцарского путешествия. Услышу звуки, уже из детства знакомые, увижу горы и долины, при изображении коих часто мечтал» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 86).

⁴⁰ Об этом см.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984. С. 157.

и думах» он писал о Швейцарии как о «вольной республиканской конфедерации», которая буквально самой историей «призвана к самоуправлению», поскольку и народ подходит как нельзя лучше для такого общественного устройства, это — «чистое и доброе племя», «сильный и мощный кряж людей». Швейцарская сельская община, убеждал Герцен приютивших его крестьян деревушки Шатель под Муртенем (Морá), сильнее самодержавия императора Николая: «Но сильны вы только вашими свободными вековыми республиканскими учреждениями»⁴¹.

Одна из идей герценовской философии общества, сложившейся после революции 1848 г., — идея крестьянской самоуправляющейся общины, словно ищет для себя опору в швейцарской истории, а в сущности — в швейцарском мифе. Этот миф не вполне соответствовал действительности. Известно сложное развитие швейцарской сельской общины, внутри которой издавна проявлялись острые противоречия между имущими и малоимущими ее членами, известна косность ее устоев, тормозивших хозяйственную и духовную жизнь страны, при многих исконно положительных качествах общинного устройства, помогающих выжить среди суровых гор⁴².

Однако миф о Швейцарии не разрушается даже и тогда, когда взгляд русского путешественника натывается на социальное зло, преследующее отечественного искателя справедливости в стране «счастливых швейцаров». Официальный и обывательский Цюрих, относящийся с подозрением к заезжим возмутителям спокойствия, становится для Герцена «ослиной пещерой». «Малодушное федеральное правительство» в Берне он противопоставил «радикальной Швейцарии» 1847 года. В очерке 1868 г. «Скуки ради» он и о Женеве отзовется не лучше: «Женева похожа не расстриженного пастора, потерявшего веру, но не потерявшего клерикальной манеры»⁴³.

Достоевский в том же духе пишет почти тогда же с берегов Лемана: «Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева — верх

⁴¹ См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 95–97, 110, 161, 179.

⁴² К характеристике положения в швейцарской сельской общине на рубеже XVIII и XIX веков см.: *Бреккер У.* История жизни и подлинные положения бедного человека из Токкенбурга / Изд. подг. Р. Ю. Данилевский. СПб., 2003.

⁴³ См.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 475; 1956. Т. 10. С. 94–97, 110, 161, 170. Эти настроения были свойственны не только Герцену. В «Очерках швейцарской жизни и нравов» ученый и публицист Л. И. Мечников (старший брат знаменитого биолога И. И. Мечникова) писал: «Кто хочет изучать западноевропейское мещанство во всем блеске его величия, во всей полноте его проявления, для того Швейцария есть истый клад» (Отечественные записки. 1868. Т. 179. Кн. 7. 3-я пагин. С. 16).

скуки»⁴⁴. Достаточно напомнить об истории швейцарской нищенки Мари из романа «Идиот» (глава VI первой части) и о мотиве Швейцарии в судьбе героя романа, князя Мышкина, чтобы убедиться в колебании образа этой страны в сознании писателя от пасторали до маленького ада. В фигуре «положительно прекрасного человека» Мышкина не слышится ли отдаленное эхо идеалов Руссо⁴⁵ и Геснера?

В рассказе Л. Н. Толстого 1857 г. «Люцерн» на фоне величественной горной природы происходит такое же унижение достоинства «маленького человека». Характерная для швейцарского мифа парадоксальная смесь добра и зла вызывает в душе писателя страстные мысли, свойственные именно толстовскому нравственному радикализму: «Ночь чудо. Чего хочется, страстно желается? не знаю, только не благ мира сего. — И не верить в бессмертие души! — когда чувствуешь в душе такое неизмеримое величие. Взглянул в окно. Черно, разорванно и светло. Хоть умереть. — Боже мой! Боже мой! что я? и куда? и где я?»⁴⁶.

По-своему этот контраст красоты и уродства отметил несколько позже М. Е. Салтыков-Щедрин в очерках 1880 г. «За рубежом», метко обозначив Швейцарию — в российских о ней представлениях — как «страну превратных толкований»⁴⁷. Миф о прекрасной земле отражал российскую мечту и, хотя и наталкивался на разочаровывающую реальность, все-таки продолжал с этой реальностью бороться. Не устоял и язвительный Салтыков: «Эти тающие при лунном свете очертания горных вершин с бегущими мимо них облаками, этот опьяняющий запах скошенной травы, несущийся с громадного луга <...>, эти звуки иодля, разносимые странствующими музыкантами по отелям — все это нежило, сладко волновало и покоряло»⁴⁸.

Впоследствии швейцарский миф то и дело давал о себе знать в романтическом образе Швейцарии, возникавшем в разных русских переводных и оригинальных изданиях, касающихся этой страны⁴⁹.

⁴⁴ Письмо к С. А. Ивановой от 29 сентября (11 октября) 1867 г. (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 224).

⁴⁵ Это не исключается, несмотря на противоречивое отношение Достоевского к Руссо (см.: *Rothe H. Dostojewskij und Rousseau: Eine Skizze ihrer Analogien* // Россия — Запад — Восток: Встречные течения: К столетия со дня рожд. акад. М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 366–387).

⁴⁶ Запись в дневнике под 25 июня (7 июля) 1857 г., Люцерн (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 47. С. 141).

⁴⁷ См.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 534.

⁴⁸ Там же. С. 101–102. Иодль — жанр швейцарской народной песни с элементами горлового пения.

⁴⁹ См., например: *Данилевский А. М.* Отрывок из журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 г. // *Сын Отечества*. 1816. Ч. 31. С. 233–242; Ч. 32. С. 23–27, 102–105; *Величкина <Бонч-Бруевич> В. М.* Швей-

На обложке сборника статей «Россия — Швейцария», изданного в Цюрихе в 1989 г., помещены два портрета — Петра Великого и В. И. Ленина. Между этими двумя личностями пролег более чем двухсотлетний путь «толкований» как образа Швейцарии в России, так и образа России жителями «союза обязательства», как передал переводчик Петровского времени древнее самоназвание этого государства — *Eidgenossenschaft*⁵⁰. Русским людям лишь постепенно открывалась разница между идеализированными «гельветами» и реальным населением кантонов. Но взгляд, брошенный с Альп на Россию после Петра, не был в такой мере заслонен литературно-философскими мечтаниями, как мнение россиянина о Швейцарии, он непосредственнее диктовался политикой, экономикой и потребностями дня в соответствии с практицизмом как национальной чертой швейцарского характера.

«По какому праву российский император, который восемнадцать лет тому назад с таким гостеприимством был встречен в Швейцарии, будучи тогда графом Северным, посылает войска против нас, которым нечего с ним делить? Так, мы хотели быть свободными, мы хотели порвать свои оковы; таково наше единственное преступление в глазах сего монарха, полагающего, что люди созданы для того, чтобы служить игрушками для таких, как он, и страшасьего того, что тридцать шесть миллионов рабов, коими он правит, возжелают свободы»⁵¹. Эта гневная тирада принадлежит перу Ф. С. Лагарпа, прежнего воспитателя и будущего советчика Александра Павловича. Слова написаны в 1799 г., когда Лагарп, в то время член директории Гельветической республики, следовательно, сторонник Франции, узнал о вторжении в Альпы русских войск. У Лагарпа, приставленного воспитателем к внукам Екатерины II, не сложились отношения ни с цесаревичем Павлом, ни с императрицей, к которой женеvский Тайный совет однажды обратился с доносом на соотечественника-вольнодумца, рекомендуя ей сослать Лагарпа в Сибирь. Разочарованный непоследовательными реформами своего царственного вос-

---

цария: швейцарские горы, швейцарские города и деревни, жизнь швейцарского народа. М., 1898; *Цан Э.* В дни войны / Пер. с нем. С. Кублицкой-Питотух. Под ред. М. Горького. Пг., 1919; *Перский С. М.* Швейцарские легенды: исторические легенды, горные легенды, легенды долин и озер / С предисл. А. И. Куприна. Париж, 1927; *Драгунов Г. П., Крашенинников В. А.* Путешествие по Швейцарии. М., 1987.

⁵⁰ Земноводного круга краткое описание... С. 110. Буквально можно передать по-русски этот термин как «товарищество давших клятву».

⁵¹ Цит. по: *Mottini E.* Schweizerisch-russische Beziehungen vor 1815: Der Besuch des russischen Thronfolgers Paul in Zürich (1782) // *Schweiz — Russland...* S. 143.

питанника, Лагарп напишет позднее, в 1820-х годах, и об Александре I: «Отныне мне не о чем больше разговаривать с самодержцем всея Руси. Метаморфоза Марка Аврелия, которого я хотел воспитать реформатором своей империи — это самая сильная боль моей жизни: она отравит мне мои последние годы»⁵².

Как можно заметить, при всех различиях, образ России так же двоялся в глазах швейцарцев, как колебался образ альпийской республики в швейцарском мифе россиян. Мирные жители городка Альторфа с удивлением слушали призывы русского генерала Суворова идти вместе с его армией на Цюрих, чтобы защитить древний союз кантонов, чего они явно не намеревались делать. Впрочем, многие из них сочувствовали русским, покоренные их героизмом в непривычных условиях высокогорья. Тогда же, в 1799 г., в Базеле был срочно напечатан «Российской словарь», где готическим шрифтом давались самые расхожие русские слова и выражения в более или менее верной фонетической записи («rechts» — «на-права», «geben sie mir Brod» — «dawaite chleba», «geh zum Henker, du Satan» — «padi K'tschortu, ti diabel» и т. п.)⁵³.

В эпоху антинаполеоновских войн и еще некоторое время спустя Швейцария занимала заметное место во внешней политике Российской империи. Она стала чем-то вроде острия, на котором держалось европейское политическое равновесие. Франция, Австрия, Пруссия. Россия соперничали в своем влиянии на нее. Ф. С. Лагарп, ненадолго вернувшийся в Россию после восшествия на престол его воспитанника Александра I, пытался из Петербурга противодействовать завоевательной политике Наполеона в Альпах и выдвинул идею швейцарского нейтралитета. Несмотря на то, что в походе «двунадесяти языков» на Россию приняли участие четыре швейцарских полка, и русской армии вновь довелось, в 1813 г., вторгнуться в пределы кантонов, идея нейтралитета укрепилась. После утверждения в сентябре 1814 г. нового государственного устройства и международного статуса страны, идея Лагарпа стала (и по сей день остается) основным принципом внешней политики Швейцарии.

На протяжении XIX в. официальная Россия, как правило, относилась к Швейцарии внимательно, но при этом не стремилась к какому-либо особенно тесному сближению с республикой. Проезжая через Цюрих в октябре 1815 г., император Александр дипломатично сострил: «Я так далек от вас, что мне остается только пожелать вам всех благ»⁵⁴. Но политические отношения имели, конечно, свою ценность для обеих сторон. Нейтралитет Швейцарии выглядел в глазах российской дипломатии,

⁵² Цит. по: *Zimmermann W. G. Die schweizerisch-russische Beziehungen 1815–1918 // Schweiz — Russland... S. 159.*

⁵³ См.: *Mottini E. Schweizerisch-russische Beziehungen... S. 140.*

⁵⁴ Цит. по: *Zimmermann W. G. Die schweizerisch-russische Beziehungen... S. 156.*

по-видимому, меньшим злом, чем подчинение Берна влиянию Парижа или Берлина. Очень энергично проводили пророссийскую политику в Швейцарии сначала отечественный министр иностранных дел граф П. А. Каподистрия и затем первый посланник России в Альпах, барон Павел фон Крюденер (Криднер, Криднер), получивший даже прозвище «Advocatus Helvetiae»⁵⁵. Крюденер считал, что после Венского конгресса швейцарцы сохранили свои традиции народоправства во многом благодаря России. В попытках утихомирить старый, разрывавший швейцарское общество конфликт между сторонниками патрицианского и демократического правления, Крюденер допускал даже возможность военного вмешательства России, до которого дело, к счастью, не дошло. Герценовский «Колокол» саркастически писал об образе Швейцарии, который должен был предстать перед глазами путешествующей императрицы Александры Федоровны: «Швейцария? эта страна без царя — эта страна, в которой самые горы напоминают la montagne de 93 (т.е. «гору» конвента 1793 г. — Р. Д.) и время геологического террора (власть якобинцев. — Р. Д.), страна, в которой государственные преступники вроде Телля, этого Пестеля с большей удачей, считаются великими людьми; в которой говорятя открыто такие страшные и возмутительные вещи, что русское правительство сочло необходимым послать туда глухого Криднера посланником, чтобы он не набрался зажигательных теорий»⁵⁶.

Тем не менее, в 1817 г., в Петербурге, открылось первое швейцарское консульство, статус которого был в 1838 г. повышен до генерального консульства. Готовившаяся в Швейцарии новая реформа государственного устройства приостановилась в 1825 г. прежде всего из-за неожиданной кончины русского монарха (от которого тогда в значительной мере зависело внутреннее положение и внешняя политика альпийской республики) и последовавших затем трагических событий 14 декабря. При Николае I отношения между двумя странами заметно охлаждаются. Швейцарское право убежища для политических эмигрантов стало раздражать императора особенно после разгрома польского восстания 1831 г., когда в Альпы хлынули сотни изгнанников⁵⁷. Добавили швейцарцам беглецов из многих стран и революционные события 1848 г.

⁵⁵ П. фон Крюденер был сыном известной визионерки Юлии фон Крюденер, одно время сильно влиявшей на Александра I и, как считается, подавшей ему мысль о Священном Союзе. Кстати, эта баронесса была в 1816 г. выслана из Швейцарии за свои проповеди, будоражившие слушателей в нестабильной обстановке, вызванной неурожаем и угрозой голода.

⁵⁶ Из памфлета А. Герцена «Августейшие путешественники» (Колокол. 1857. № 1. 1 июля) (Герцен А. И. Собр. соч. Т. 13 (1958). С. 15).

⁵⁷ Косвенно говорит об этом переводной очерк «Швейцария» (из «Journal des Débats»), помещенный в «Сыне Отечества» (1836. Ч. 180. № 36. С. 43–45. Ч. 181. № 42. С. 91–92; № 43. С. 144).

Швейцарская либеральная общественность платила России тою же монетой. Местный карикатурист изобразил тогда европейских монархов и среди них — Николая I как егерей с хлыстами, натравливающих швейцарские власти — в виде своры псов — на политических эмигрантов⁵⁸. Об этих последних писал Герцен: «... несчастные беглецы, которым надутые и ограниченные швейцарцы бросали кусок хлеба, как жиду в средние века, как собаке». Имелась в виду, конечно, только часть швейцарского общества, его «верхи», которым приходилось лавировать между боязнями утраты репутации страны демократии и свободы и опасениями дипломатических осложнений в русско-швейцарских отношениях.

Неприязнь швейцарцев к России переживалась Герценом не менее болезненно. В том же письме «Московским друзьям» (сентябрь 1849 г., из Женевы), где он описывает судьбу политических беженцев, он старается — с помощью метафор, подсказанных альпийским ландшафтом, — объяснить и передать общее (и свое собственное) отношение к отечеству. «И во всем разгроме и падении (последней революционной Европы — *P. D.*) — пишет Герцен, — сурово и мрачно вырезывается, как Маттергорн в Валлисе, Россия, каменное поле будущего, природа не начинает с цветущих лугов, а с гранита. Судьба России колоссальна — но для нас виноград зелен, — если б доля той гуманности, которая дается долгим просвещением, перешла в нравы нашей русско-немецкой бюрократии, я воротился бы...»⁵⁹.

В конце 1849 г. в приложении к газете «Глас народа» («*La Voix de Peuples*») появилась статья Герцена «*La Russie*», написанная в форме письма к Г. Гервегу, и еще горше характеризующая европейскую роль Николаевской империи, впрочем, как и состояние послереволюционной Европы в целом. Европа, по мнению Герцена, находится «на краю бездны». Незавидна и участь России. «Мы с ужасом видим, — пишет он, — как Россия готовится подтолкнуть еще ближе к гибели истощенные государства Запада, подобные слепому нищему, которые ведет к пропасти злой умысел ребенка»⁶⁰.

Крымская война была воспринята в Швейцарии как выступление цивилизованных стран против восточной тирании. Из добровольцев был создан даже британско-швейцарский легион, который, правда, не принял участия в боевых действиях. Со своей стороны, Россия пыталась (неудачно) вербовать в Швейцарии оружейных мастеров. Последним благом для республики дипломатическим вмешательством России в швейцарские дела стала, кажется, ее попытка в улаживании конфликта, разгоревшегося в 1856–1857 годах между Швейцарией и Пруссией из-за Невшателя, пожелавшего ос-

⁵⁸ В газете «Раёк» («*Guckkasten*») за 24 ноября 1849 г.

⁵⁹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 23 (1961). С. 190–191.

⁶⁰ Там же. Т. 6 (1955). С. 191.

вободиться от власти Берлина. После этого главным и постоянным камнем преткновения во взаимоотношениях России и Швейцарии оставалась революционная эмиграция.

В 1873 г. между двумя странами было заключен договор об экстрадиции, т. е. о выдаче опасных эмигрантов, но в Альпах применяли его очень осторожно и со многими оговорками. И хотя такие известные российские революционеры, как С. Г. Нечаев, П. А. Кропоткин, Г. В. Плеханов в семидесятые–восьмидесятые годы выслались из Швейцарии, там более или менее свободно работали, как известно, А. И. Герцен и В. И. Ульянов (Ленин), собирались члены партии «Земля и воля», и в довольно большой колонии российских студентов велась народническая и марксистская агитация⁶¹. Из шестнадцати женщин-пропагандисток, осужденных в России в 1877 г. на одном из многочисленных судебных процессов против народников, на так называемом «процессе пятидесяти», тринадцать девушек оказались бывшими студентками университета Политехникум в Цюрихе. В 1906 г. на курорте Интерлакене член партии социалистов-революционеров Татьяна Леонтьева, обознавшись, застрелила мирного пенсионера, приняв его за председателя российского комитета министров, бывшего министра внутренних дел И. Н. Дурново. Карикатурист газеты «Рассеиватель тумана» («Nebelspalter», 8 сентября 1906 г.) тут же предложил каждому швейцарскому бюргеру вывешивать на груди сертификат, удостоверяющий, что фамилия данного господина оканчивается никак не на «... ский», «... ин» или «... ов», чтобы тем самым обезопасить себя от ошибок русских террористов⁶².

⁶¹ Возможность преодолеть сословные и национальные препоны (например, пресловутую еврейскую квоту), избежать преследований за революционную деятельность, а для девушек — вообще возможность получить высшее образование привлекала в Швейцарию массу молодежи из России. В 1870-х гг. русская студенческая колония в Цюрихе насчитывала до трехсот человек. В летний семестр 1873 г. выходцы из России составляли четверть всего швейцарского студенчества и 95 процентов всех учившихся девушек. Напомним, что в России с 1863 по 1913 г. существовал запрет на обучение женщин в университетах (исключая Высшие женские курсы). О нравах, быте и политических пристрастиях русских студентов в Швейцарии см.: *Mejer J. M. Knowledge and Revolution: The Russian Colony in Zuerich (1870–1873): A Contribution to the Story of Russian Populism*. Amsterdam, 1955; *Züllig-Bankowsky M. Russische Studierende in der Schweiz // Schweiz — Russland...* S. 72–88. См. также: *Киперман А. Я. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х гг. XIX в. // Ученые зап. Шуйского гос. педагогич. ин-та*. 1963. Вып. 10. С. 215–239.

⁶² В 1881 г. в этом же издании была помещена карикатура на Александра III («Новый Геркулес»), на рисунке тщетно сражающегося с гидрой нигилизма, у которой вместо отсеченных голов вырастают новые, причем некоторые из них явно женские.

Подобные события, наглядно подтверждавшие слухи об опасном русском нигилизме, разумеется, отражались на отношении швейцарцев к русским⁶³. Университетские профессора часто бывали недовольны слабой научной подготовкой студентов и особенно студенток из России, а также их шумным, независимым поведением. Русские студентки получили у местных обывателей грубоватое прозвище «казацкие лошади» («Kosakenpferde»), хотя из швейцарских университетов действительно вышел ряд деятелей русской науки (математик Е. Литвинова, будущая учительница Н. Крупской, жены Ленина; врач Н. Сулова, жена известного швейцарского гигиениста Ф. Эрисмана, и др.).

Конечно, не одними студентами и «бомбистами» ограничивался круг русско-швейцарских отношений. Престиж русской культуры был в Швейцарии поддержан альтруистом и ученым Гавриилом Бестужевым-Рюминым из известного русского дворянского рода. По его завещанию (он умер в 1871 г.), в Лозанне был возведен научно-культурный центр «Palais de Rumine», в котором ныне находятся кантональная библиотека и целый ряд музеев. Швейцарец Анри Дюнан, основатель международной организации «Красный Крест» («La Croix Rouge»), приветствовал инициативу Николая II по созыву Гаагского мирного конгресса 1898 г. При этом швейцарские юмористы не отказали себе в возможности двусмысленно изобразить (в «Рассеивателе» тумана) за 17 сентября того же года) русского царя в виде ангела мира с пучком оливковых ветвей в руке, стоящего на пушке, в воинственной черкеске и при кинжале.

Не станем говорить о заметной роли швейцарской педагогики (системы Г. Песталоцци и Э. Фелленберга, практика гувернеров и гувернанток в русских семьях), медицины (Ф. Ф. Эрисман), техники, виноделия и сыроварения, ресторанного дела в соответствующих областях российской жизни XIX в. Члены многочисленных швейцарских колоний, образовавшихся со времен Екатерины Великой в городах и весях России, частью вернулись потом на родину, но в значительной мере были изведены советской властью, или растворились в российском людском море⁶⁴.

⁶³ Тема нигилизма довольно широко обсуждалась в швейцарской печати конца XIX в. (беллетристические «Письма нигилистки» Ф. Шольца, 1884 г.; книга И. Шерра «Нигилисты» 1885 г. и т. п.; см.: *Züllig-Bankowsky M. Russische Studierende in der Schweiz*. S. 87). См. также: *Турген П.* Заметки о раннем русском понятии «нигилизм» // Россия — Запад — Восток... С. 396–402.

⁶⁴ См., в частности: *Töndury H. Russlandschweizer und Russen in der Schweiz* // *Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft, Betriebswirtschaft und Sozialpolitik*. 1928. Bd. 1. S. 167–175; *Goehrke C. Schweizer Auswanderer in Russland: Ein Überblick* // *Schweiz — Russland...* S. 7–12; *Bühler R. Bündner im*

Разумеется, были в маленькой стране и свои люди революционных убеждений, вроде ленинского соратника Ф. Платтена. С их помощью проводились партийные конференции в швейцарских местечках Циммервальде и Кинтале. При их содействии Ленину и его спутникам удалось тайно выехать в апреле 1917 г. в революционную Россию, в результате чего шеф швейцарской полиции был отправлен в отставку. В декабре того же года, столь значимого для России, вышел в свет номер «Швейцарской иллюстрированной газеты» («Schweizer illustrierte Zeitung»; № 50, за 15 декабря) с большим фотопортретом Ленина на первой полосе. Пояснительный текст, не совсем соответствующий правде, но довольно выразительный, гласил: «Ленин (Ульянов), самый известный человек в России, который стремится заключить перемирие с Германией и Австрией, после того как он свергнул прежнего президента Российской республики Керенского». О недавнем отъезде Ленина из Швейцарии в надписи не упоминалось. Если принять российский вариант марксизма за одну из модификаций пресловутой «русской идеи» (национальной футурологической мечты), то невольная роль Швейцарии в пестовании этой идеологии в последней трети XIX столетия представляется довольно значительной.

Следуя, очевидно, традиционным российским представлениям об относительной терпимости швейцарских властей к левым политическим идеям, советская дипломатическая миссия, созданная в Берне взамен царского посольства, развернула в 1918 г. энергичную пропагандистскую и идеологическую деятельность, что привело вскоре к закрытию этой миссии. Тогда же, с советской стороны, в Петрограде было конфисковано имущество швейцарского посольства, и дипломатические отношения между древнейшей и новейшей республиками прервались на целые тридцать лет.

***

Швейцарская мечта о благоденствии на просторах России оказалась если не эфемерной, то конечной. В XVIII и XIX веках наша страна предстала перед швейцарцами государством, благоволение которого к ним оставалось ненадежным. Российская империя старалась поддерживать независимость и нейтралитет альпийского союза кантонов, с тем чтобы сохранить свое влияние на его европейскую политику. Но одновременно в Швейцарию устремлялись противники российского самодержавия, подвергая опасности ее status quo.

Миф о «счастливых швейцарах», зародившийся на закате феодальной эпохи, казалось бы, неоспоримо подтверждал преимуще-

---

Russischen Reich: 18. Jahrhundert — erster Weltkrieg: Diss. Disentis-Muster (Schweiz), 1991.

тва демократического правления. Однако он подвергся таким историческим испытаниям, что потребовал глубокой корректировки, все явственнее демонстрируя свою социальную мифичность, литературность.

Миф о «счастливых россиянах» не получил развития в Швейцарии, хотя некие зачатки его намечались и, может быть, то и дело возникали в альпийских долинах у тех мужчин и женщин, которые намеревались устроить или поправить свою судьбу в далекой России. Вместе с тем то разгорался, то затухал страх перед огромной загадочной восточноевропейской страной, в которой царит авторитарная власть. Пугал западных людей и ловкий наполеоновский вымысел о том, что будто бы царь Петр, умирая, завещал русским покорить Европу. Даже в русской литературе и публицистике, восхищаясь ею, швейцарцы, как мы увидим ниже, искали отголосков этих намерений. Большевистская идея «мировой революции» легла именно в русло этих представлений, точно так же как и территориальные переделы Европы, происходившие при участии Советского Союза после Первой и Второй мировых войн.

Как Советская Россия не выдержала испытания швейцарской мечтой о земле справедливости, так и Швейцария оказалась далека от мифа об идеальном государстве. Разве что самый принцип (кон) федерализма, найденный соотечественниками Вильгельма Телля, пошел на пользу по меньшей мере двум мировым державам — Союзным Штатам Америки и Российской республике 1917-го — начала 1920-х годов и нового ее исторического варианта, возникшего на рубеже XX и XXI столетий.

II. Швейцарская книга о русской культуре (1880 год)⁶⁵

«То, для чего в иных местах на всем цивилизованном Западе требовались века размеренного поступательного движения, было достигнуто здесь единым духом, и в течение нескольких десятилетий ее вдохновенные и талантливые представители вознесли прежде никому неизвестную и бессодержательную литературу на уровень литературы мировой»⁶⁶. Это пассаж из книги, изданной в Лейпциге в 1880 г. «Русская литература и культура. Критический очерк их истории». Автором книги был швейцарский педагог, литератор и ис-

⁶⁵ Вариант этого раздела был опубликован в виде статьи: *Данилевский Р. Ю.* Из забытого: Первая швейцарская книга о русской литературе // *Русская литература.* 2007. № 1. С. 263–271.

⁶⁶ *Honegger J. J.* Russische Literatur und Cultur: Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik derselben. Leipzig: Verlagsbuchhandlung von J. J. Weber, 1880. S. 131 (далее страницы книги указываются в тексте).

торик культуры Иоганн Якоб Гонеггер (Honegger; сохраняем старую русскую транскрипцию его фамилии). Приведенная цитата показывает, каким представлял себе автор в семидесятые–восемидесятые годы XIX столетия общее развитие литературы в России. Это мнение довольно типично не только для иностранцев, судивших о русской литературе, но и для самих русских. Значение древнерусской словесности, отечественной литературы XVII и XVIII веков осознавалось лишь постепенно, и признание ее оставалось тогда делом будущего. Однако отличительная черта русской литературы — стремительность в достижении ею уровня ведущих литератур Европы — была уже признана⁶⁷.

В «Предисловии» к своей книге о русской культуре Гонеггер так объяснил свою заинтересованность темой: «Всякому образованному человеку сразу приходит на ум, что Россия, которая так сильно привлекает наше внимание, все еще бесконечно далека от нас, если иметь в виду основательные познания, а самым разным суждениям о ней несть числа; мне захотелось избавиться от этих сомнений». И непосредственно о литературе: «К тому же меня совершенно особенным образом влекла к себе литература, получившая, начиная с Пушкина, такое высокое значение, я желал разрешить для себя, собственно, следующий двойной вопрос: в чем же именно заключается ее особенный характер, и, с другой стороны, многое ли объединяет ее с литературами Запада? Такова была моя внутренняя потребность» (с. V). Уже из этих строк виден и стиль, и основная установка автора. Он пишет о русской литературе не только как историк и критик, но и как публицист, всецело захваченный своей проблемой. Гонеггер не раз подчеркивает свою личную пристрастность к предмету изложения. «Мои русские штудии, — пишет он там же, — более, нежели многие другие вещи, которыми приходилось заниматься, — это моя личная работа, которую я делал с любовью (*meine individuelle Lieblingsarbeit*)».

Обстоятельства жизни Иоганна Якоба Гонеггера (родился 13 июля 1825 г. — умер 5 ноября 1896 г.), уроженца Цюрихского кантона, внешне никак не связывали его с Россией. Выросший в бедной крестьянской семье и окончивший учительскую семинарию в Кюс-

⁶⁷ Ср. суждения В. Г. Белинского 1840-х гг., напр., в «Мыслях и заметках о русской литературе» (см.: *Алексеев М. П.* Русская классическая литература и ее мировое значение // Мировое значение русской литературы XIX века / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. Р. Щербина. М., 1987. С. 64). См. также: *Берковский Н. Я.* О мировом значении русской литературы. Л., 1975. С. 22 и след. Ср.: «Для того чтобы познакомиться с русской литературой, не нужно удаляться на столетия назад. Подлинная русская литература имеет от роду едва ли сто лет и возникла лишь после смерти Петра Великого» (*Koenig H.* Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart; Tübingen, 1837. S. 5).

нахте на Цюрихском озере, Гонеггер несколько лет учительствовал в начальной школе, затем, уже в довольно зрелом возрасте, учился в университетах Цюриха и Парижа, чтобы в конце 1850-х годов стать преподавателем в той же семинарии, которую он окончил за десять лет до этого. В 1860-х годах Гонеггер — педагог кантональной школы в Санкт-Галлене, затем доцент истории, немецкой словесности и поэтики в педагогическом институте при Цюрихском университете, а с 1875 г. — экстраординарный профессор того же университета. Некоторое время Гонеггер активно занимается политикой и общественными делами; он пишет статьи в газетах, выступает на собраниях общины Цюрихского сельского кантона, работает в Конституционной комиссии Цюриха и свыше двадцати лет состоит членом правления цюрихского Общества потребительской кооперации. Печататься Гонеггер начал как поэт: в 1851 г. вышел первый томик его стихов «Осенние цветы» («Herbstblüten»). Через несколько лет стали появляться его историко-литературные работы о французской лирике (В. Гюго, Ламартин), многотомное исследование, посвященное швейцарской поэзии, издаются его книги по истории европейской культуры, а с середины шестидесятых годов стал формироваться главный труд его жизни — «Основные черты всеобщей истории культуры новейшего времени» («Grundsteine einer allgemeinen Culturgeschichte der Neuesten Zeit») в пяти томах, который выходил в Германии, в Лейпциге, с 1868 по 1874 гг. и затем выдержал второе издание⁶⁸. Этот огромный труд, в котором в ходе изложения множества фактов из истории культуры основных европейских стран (из области литературы, музыки, театра, изобразительных искусств), были основательно затронуты философия, политика, экономика, статистика, география, этнография, а также то, что позднее будет названо социальной психологией, демонстрировал также и polemический задор автора, его критический темперамент. Гонеггер гордился своими политическими убеждениями швейцарского либерала и подходил к оценке национальных культур, явлений общественной жизни и государственной политики других стран прежде всего с точки зрения демократизма и гуманности правления, свободы слова и мнений, уважения к личности. Защищая эти принципы даже с некоторым педантизмом и не без стремления поучать носителей

⁶⁸ Биографические данные об И. Я. Гонеггере заимствованы из ряда немецких и швейцарских источников (это, в частности: *Hinrichsen A.* Das literarische Deutschland. 2. vermehrte Aufl. Berlin, 1891–1892. Sp. 599–600; *Biographisches Jahrbuch und deutscher Nekrolog* / Hrsg. von A. Bettelheim. Berlin, 1897. Bd. 1. S. 38–40; *Türler H., Attinger V., Godet M.* Historisch-biographisches Lexikon der Schweiz. Neuenburg, 1927. Bd. 4. S. 287). За помощь в разыскании сведений о Гонеггере автор выражает признательность сотруднице Библиотеки имени герцогини Анны Амалии в Веймаре г-же Галине Вюншер.

других национальных культур, он выступает в собственных глазах в образе одинокого борца, новатора и первопроходца.

Действительно, замысел, или, как сказали бы теперь, «проект» Гонеггера был незаурядным — такой широкий охват современной европейской культуры был под силу немногим. И все же у автора имелись почтенные предшественники — такие, например, как основоположник современных представлений о национальной культуре И. Г. Гердер, историк всеобщей литературы Г. Эйхгорн, или теоретики и практики романтической культурфилософии братья Шлегели. Параллельно с Гонеггером, в шестидесятые–семидесятые годы в том же направлении работал над вопросами общелитературного развития знаменитый Ипполит Тэн, создатель культурно-исторического метода в искусствознании и литературоведении.

Впрочем, едва ли стоило бы сопоставлять вклад Гонеггера в историю культуры со вкладом Тэна. Современники видели в швейцарце скорее популяризатора знаний и очеркиста, чем исследователя. «Все его книги, — писал автор наиболее подробной статьи о Гонеггере в берлинском «Биографическом ежегоднике», опираясь на некрологи в швейцарской и немецкой прессе, — это, в общем, не более, чем собрания относительно удачных фельетонов на различные темы»⁶⁹. Такая оценка представляется теперь, однако, чрезмерно суровой. Нельзя отказать Гонеггеру в известной широте взгляда, в научной смелости и особенно в стремлении откликнуться на выраженную эпохой потребность в обобщении явлений современного литературного и культурного развития. Во второй половине XIX в. Гонеггер уловил эту потребность одним из первых. На всякий случай напомним, что в русском литературоведении в это же самое время с учетом достижений западноевропейской мысли формируется своя, отечественная культурно-историческая школа (А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, А. А. Шахов и др.), из которой вышел А. Н. Веселовский, в свою очередь, преобразовавший литературную науку⁷⁰.

Несмотря на подчеркивание своей особой позиции, Гонеггер выступает, конечно же, как голос эпохи, в которой исторический подход к литературе превалировал над собственно филологическим, и история литературы (которая вообще стала осознаваться как отдельная наука только в 1840-х годах) представлялась еще всего лишь составной частью истории культурного развития в самом широком его понимании, т. е. скорее как атрибут истории государства и общества, нежели как самоценный объект исследования. В этом подходе были определенная обоснованность: литература рассматривалась

⁶⁹ Biographisches Jahrbuch... Bd. 1. S. 40 (статья подписана: E. Guglia).

⁷⁰ См.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 100–201.

с точки зрения ее социальных функций, которыми она бесспорно обладает. Но эстетическая специфика литературы как совершенно особого культурного феномена, как *словесного искусства*, все еще недооценивалась, не осознавалась в полной мере. Вероятно, подчеркнутая «политизация» культуры, а также подчас слишком общие и неглубокие суждения автора о литературных явлениях привели к тому, что книги Гонеггера довольно быстро утратили актуальность, и имя их автора отошло в историю литературоведения, где и остается в числе сравнительно мало известных. В последние годы своей жизни Гонеггер растерял свою популярность. Сбылись слова биографа, который писал: «... книги Гонеггера многих обогатят, конечно, полезными знаниями, как это и полагается популярным изданиям; а в некоторых случаях, например в том, что касается книги о России, способны дать даже больше. Поэтому среди широкой публики они проживут еще некоторое время. Однако ни форма изложения, ни их содержание не спасут их от быстрого и полного забвения. Не пройдет и полувека, как историки науки и литературы перестанут вспоминать о Гонеггере»⁷¹. Но в последней трети XIX в. Гонеггер вызывал немалый интерес современников, — по меньшей мере так было в России, о чем свидетельствуют три перевода его книг на русский язык.

В «Предисловии» к первому тому своего основного труда Гонеггер заявляет, что он первым отважился «начертить диалектику культурно-исторического развития нашего века». Он настаивает на том, что выражает только «свою подчеркнuto индивидуальную точку зрения» и придерживается только «субъективного способа характеристик». Он благодарен газетно-журнальной критике его трудов, но хочет остаться при своих убеждениях. В литературе он видит в первую очередь выражение общественных чаяний — «язык духа времени» и потому, например, отрицательно относится к романтизму, понимая под этим термином, по-видимому, всякое вообще стремление искусства оторваться от насущных проблем действительности. Гонеггеру не важны детали и «мелкие» писатели. Ему требуется масштабность. «У ручейка, который помогает наполняться большому потоку, я с удовольствием отдохну, — пишет он, заключая «Предисловие» к первому тому своего труда. — Но, если бы я был художником, то едва ли стал бы изображать его идиллический покой; меня больше манят к себе бескрайние горизонты и грозные вершины»⁷².

⁷¹ Biographisches Jahrbuch... Bd. 1. S. 40. Имя И. Я. Гонеггера, например, вовсе не упоминается в книге: *Rossel V., Jenny H.-E. Histoire de la littérature suisse des origines à nos jours. Lausanne; Berne, 1910. T. 1, 2.*

⁷² *Honegger J. J. Grundsteine einer Allgemeinen Culturgeschichte der Neuesten Zeit. In 5 Bänden. Zürich, 1868. Bd. 1. S. V, VII, VIII.*

Русская культура среди вершин, манящих Гонеггера, пока еще не значит. На первом плане у него Германия, Франция, Англия, отчасти Италия. И хотя почти во всех томах издания имеются небольшие пассажи о России, и даже о русской литературе, они обычно располагаются среди заметок о явлениях второго и третьего плана. Вернемся к этому труду Гонеггера несколько позже. Отметим пока, что «Основным чертам» предшествовала, как своего рода пробный подступ, другая книга, а именно «Литература и культура XIX столетия» («Literatur und Cultur des 19. Jahrhunderts», 1865; второе, расширенное издание — 1880).

Первое издание книги И. Я. Гонеггера о XIX столетии было вскоре переведено на русский⁷³. Перевод был сделан известным радикальным критиком Варфоломеем Зайцевым, ведущим сотрудником «Русского слова», правда, к тому времени уже покинувшим этот журнал. Даже если перевод и делался ради заработка, Зайцев не мог не почувствовать в Гонеггере родственную публицистическую жилку. Вот как звучат в его переводе мысли Гонеггера: «литература социальна»; современная литература — это «литература масс», в ней — хотим мы этого или нет — важны не «собственно литературные достоинства», но «дух нашего времени». Впрочем, «теперь время науки, а не искусства...»⁷⁴. Под наукой Гонеггер, понимает, разумеется, естествознание, что полностью отвечало взглядам В. Зайцева, который, подобно тургеневскому Базарову, был увлечен модными идеями адептов крайнего (так называемого «вульгарного») материализма, например, Л. Бюхнера. В швейцарском авторе сохраняется к тому же демократический дух либерализма тридцатых–сороковых годов. Сетуня на неудачу революции 1848 г. («Очерк» доведен до середины века), Гонеггер не теряет надежды на новый общественный подъем: «Социальный вопрос и вопрос национальный созрели так, — переводит В. Зайцев его слова, — что требуют немедленного решения. Наше время, отвратившись от бесплодного одностороннего спиритуализма, убедилось, что высшее духовное значение тесно связано с материальным процветанием; что между этими двумя

---

⁷³ *Гонеггер И. И.* Очерк литературы и культуры девятнадцатого столетия / С немецкого перевел В. А. Зайцев. Издание Н. Полякова и Ко. СПб., 1867. Варфоломей Александрович Зайцев (1842–1882) — радикальный последователь Н. Г. Чернышевского и в еще большей степени Д. И. Писарева, один из наиболее ярких представителей русского «нигилизма», публицист, критик, переводчик; в 1866 г. в связи с покушением Д. Каракозова был заключен в Петропавловскую крепость; в 1869 г. выехал за границу для лечения, но не вернулся и стал политическим эмигрантом; жил во Франции, Италии, Швейцарии. Переводами Зайцев занимался преимущественно в 1860-е гг., позже составлял учебные пособия по всеобщей истории.

⁷⁴ *Гонеггер И. И.* Очерк... С. 14, 54.

факторами существует постоянное необходимое взаимодействие, отрицаемое только теми, которые имеют привычку отсылать людей к небесам, чтобы самим удобнее владычествовать над землей». Тем не менее, по убеждению Гонеггера, «мы неудержимо идем вперед», и «в миллионах людей живо предчувствие новой социальной будущности»⁷⁵. О России в оригинале (и в переводе) этой книги было сказано немного — только то, что после победы над Наполеоном она возглавила процесс возвращения к старому порядку в Европе (этот абзац из перевода В. Зайцева был выброшен цензурой)⁷⁶ и нынче «переживает коренной глубокий кризис»⁷⁷. Но помещенная в русский контекст книга (в интерпретации В. Зайцева) сохраняла и даже усиливала свою публицистичность, приобретая едва ли не агитационное значение. Так, например, нельзя исключить того, что слова о «новой социальной будущности» могли быть прочитаны русскими читателями разных направлений, но одинаково воспитанных на эзоповом языке Н. Чернышевского, как намек на социальную революцию, чего Гонеггер, конечно же, никак не имел в виду⁷⁸.

Через два года появился новый русский перевод из Гонеггера и почти под таким же заглавием, что и перевод В. Зайцева, — «История культуры девятнадцатого века». Но это был перевод другого труда — первого тома упоминавшихся уже «Основных черт всеобщей истории культуры». На первом томе, впрочем, дело застопорилось, так как перевод был заметно потрепан цензурой и, очевидно, по тем же цензурным причинам, насколько нам известно, продолжения перевода не последовало⁷⁹.

Спустя почти двадцать лет Гонеггер издал расширенный вариант своей первой книги о культуре XIX в. Здесь Россия была представлена более весомо. Однако облик ее вышел далеко не благостным. Со времен «николаевской системы» деспотизма, несмотря на «замечательное реформаторство» Александра II, Россия, по наблюдени-

⁷⁵ Там же. С. 67, 374.

⁷⁶ Там же. С. 177.

⁷⁷ Там же. С. 30.

⁷⁸ Этот заряд социального прогрессизма насторожил бдительных цензоров при просмотре подлинника книги. Так, в экземпляре, находящемся в Российской Национальной библиотеке в Петербурге, абзац «Эпилога», содержащий сочувственные слова о совсем недавнем тогда польском восстании 1863–1864 гг., зачеркнут красным карандашом, а на следующей странице строки, в которых упоминается о революционных движениях в Европе, зачернены штемпельной краской (см.: *Honegger J. J. Literatur und Cultur des Neunzehnten Jahrhunderts. In ihrer Entwicklung dargestellt.* Leipzig, 1865. S. 293–294).

⁷⁹ *Гонеггер И. Я. История культуры девятнадцатого века / Перевод с немецкого.* СПб.: Н. И. Ламанский, 1869. Т. 1 (Время Первой империи).

ям автора, «подтачивается нигилизмом и крайними проявлениями социалистическо-коммунистических разрушительных тенденций, проникающих вплоть до школьной скамьи». Гонеггер задает риторический вопрос относительно России: «Где пребываем мы в настоящий момент? Во что все это выльется? И какое место занимает эта полуазиатская гигантская империя, или же какое уготовано ей место в системе европейских государств?»⁸⁰. Вопрос повисает в воздухе.

Читатель мог уже догадаться, что отношение Гонеггера к России, точно так же как и его взгляды на историю русской литературы, несмотря на декларированную самостоятельность точки зрения, не были оригинальными. Либерализм швейцарского историка был общеевропейского происхождения. Требования демократических реформ в период между революциями 1830 и 1848 г. почти обязательно принято было сопровождать публицистическими атаками против «жандарма Европы» — Николая I и его империи. Достаточно назвать такие имена критиков России, как маркиз де Кюстин или Адам Мицкевич. «Европа очень занимается нашей силой, — писал А. Герцен в дневнике 1844 г., — потому что она в ней видит мощного раба под влиянием розги и бича, который готов разрушить великие плоды веков...»⁸¹. Эту традицию провозглашения неперенной анафемы в адрес России (напомним о мнении Пушкина) унаследовали младшие поколения европейских либералов, критиковавшие империю уже на дальнейших этапах ее истории⁸².

Над Гонеггером тяготеют стойкие стереотипы романтической историографии, объясняющие особенности современной жизни ее доисторическими племенными корнями. Задумавшись над тем, почему у древних евреев было мало крупных поселений, он находит неожиданную параллель и пишет: «Было ли это последствием древней кочевой жизни, как в России, где незначительность (имеется в виду, конечно, не величина, а малая значимость. — Р. Д.) городов происходит от древнеславянской склонности к бродяжничеству и от нежелания

⁸⁰ *Honegger J. J. Literatur und Cultur des 19. Jahrhunderts in ihrer Entwicklung dargestellt. 2. vermehrte Auflage. Leipzig, 1880. S. 303–304.*

⁸¹ *Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 392.*

⁸² В частности см.: *Wolle St. «Das Reich der Sklaverey und die teutsche Libertät...»: Die Ursprünge der Rußlandfeindschaft des deutschen Liberalismus // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800–1871) / Hrsg. von M. Keller. (West-östliche Spiegelungen. Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A. Bd. 3). München, 1992. S. 417–434; Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998; Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX–XX веков / Серия под общей ред. акад. Е. П. Челышева. М., 1998.*

инертно жить внутри городских стен?»⁸³. В другом месте «Истории человеческой культуры», которую мы цитируем, Гонеггер конструирует — для нас уже явно мифический — образ России, пользуясь старым географическим принципом. «Однообразие этой бесконечной равнины, — пишет он о Восточной Европе, — повлияло на характер народа и отразилось на сравнительном однообразии языка»⁸⁴. Россия представляется если не целиком, то преимущественно все еще страной, живущей по древним традициям, т. е. едва ли не такой, как описывал ее путешественник и дипломат Адам Олеарий в XVII в. За традиции принимается вместе с тем совершенно новое социальное явление — огромный сдвиг в жизни российского крестьянства после реформ 1861 г., когда началось массовое самостоятельное перемещение людей по просторам империи.

Как далека эта картина, по мнению Гонеггера, от его родной Швейцарии! Свою страну он считает образцом для других, и для России в том числе. В результате революции 1848 г., как он убежден, «только швейцарская республика вынесла прочный и важный успех из этого движения, выйдя из ничтожества национальной мелочности в народную, единственно разумную политическую жизнь на федеративных началах»⁸⁵. Для русского читателя XIX в., подданного государства, в котором федерализм если и был известен, то являлся скорее исключением (касавшимся царства Польского и княжества Финляндского), чем правилом, это заявление было смелым и важным, хотя при этом забывалось, что Альпийская республика долго еще несла на себе черты средневекового консерватизма и «мелочности» общинной жизни горных селений. На примере своей родины Гонеггер ставит цель для всей Европы. После падения Наполеона и после Венского конгресса, мечтает он, на континенте должно со ставиться «естественное единство племен и народностей»⁸⁶.

А что же Россия? В эпоху «парохода, железной дороги и телеграфа», которые призваны объединить народы Земного шара⁸⁷, византийская цивилизация, якобы без изменений унаследованная православной Россией, не поможет ей в противостоянии полным энергии германским народам и североамериканцам («Янки идут

⁸³ Гонеггер И. История человеческой культуры / Перевод с немецкого М. Чепинской. СПб.: Изд. редакции журн. «Образование», 1897. С. 79 (курсив наш. — Р. Д.).

⁸⁴ Там же. С. 126. Последнее наблюдение характерно для носителя швейцарской германоязычной культуры, в которой областные диалекты до сих пор играют значительную культурную роль.

⁸⁵ Гонеггер И. И. Очерк... С. 357.

⁸⁶ Там же. С. 32.

⁸⁷ См.: Гонеггер И. История... С. 184.

напролом»⁸⁸). У России имеется только одна особенность, гарантирующая ей выживание, считает Гонеггер, — это «замечательная способность ассимилироваться», правда, лишь «с азиатскими народами, а потому и возможность успехов в Азии»⁸⁹. Compliment был, конечно, сомнительным.

Несколько иначе Гонеггер относился к русской словесности. За те долгие годы, в течение которых он занимался изучением современной европейской культуры и политики, его восприятие России все же претерпело некоторые изменения. В конце своей деятельности, в восьмидесятые годы, он признал русскую литературу если и не первостепенной, то, во всяком случае, «сильно разросшейся за последнее время»⁹⁰.

Процесс изменения взглядов Гонеггера на Россию можно проследить по томам его труда «Основные черты всеобщей истории культуры». В первом томе этого труда — «Эпоха первой империи» (имеется в виду империя Наполеона Бонапарта), вышедшем в свет в Лейпциге, в начале 1868 г., о России речи нет вообще. В томе втором — «Эпоха Реставрации» (1869) русской словесности уделена одна страница, находящаяся в разделе десятом «Художественная литература», подразделе «Отдельные национальные языки и литературы». Там названы имена Пушкина, «творца новой литературной эпохи» и Н. Греча как создателя «Северной пчелы», игравшей на рубеже десятых и двадцатых годов, по уверению автора, роль «справочника по русской литературе»⁹¹.

Третий том — «Июльская монархия и буржуазия. Часть I» (1871) — знакомит читателя уже с политикой России, этого самодержавного, агрессивного «колосса на глиняных ногах». Но в разделе «Журналистика и злободневность» неожиданно много русских литературных имен. Н. Греч и Ф. Булгарин представлены как враги Пушкина, не забыты В. Белинский и М. Погодин, названы А. Герцен и Ф. Достоевский, которые «благодаря откровенному изображению российских общественных условий имели неслыханный успех». Герценовский «Колокол» явился «голосом нации и ее чаяний»⁹². В четвертом томе (того же, 1871-го, года выхода), продолжающем тему тома третьего, русская литература выделена среди литератур «славянско-венгерских языков», поскольку «в ней наибольшее количество значительных литературных имен». Довольно много говорится там о гении М. Лермонтова, (чью поэзию принес в страны немецкого языка его талантливый, хотя и вольный переводчик и интерпрета-

⁸⁸ Там же. С. 167.

⁸⁹ Там же. С. 129.

⁹⁰ Там же. С. 188.

⁹¹ *Honegger J. J. Grundsteine... Bd. 2. S. 252.*

⁹² Там же. Bd. 3. S. 73–77, 127–129.

тор Фридрих Боденштедт) и о Н. Гоголе. Тургенев — автор «Записок охотника» отмечен как «мастер новеллистической картины нравов». Его новаторство еще не осознается. Из поэтов упоминаются В. Жуковский, Е. Баратынский, А. Кольцов⁹³.

Несомненно, Гонеггер пользовался какими-то источниками, может быть, и переводами, которых становилось все больше⁹⁴. Даже если принять во внимание только немецкий язык, то к середине века, например, переводы из Лермонтова публиковались 27 раз, из Гоголя — 18, Баратынский переводился 6 раз, статьи Белинского — четырежды, а число публикаций переводов из Пушкина достигло 124. Общие обзоры русской литературы, появившиеся в виде книг и в форме статей в периодике, превысили два десятка⁹⁵. С большой долей уверенности можно предположить, что одним из главных источников стали для Гонеггера работы А. И. Герцена — в особенности сочинение «О развитии революционных идей в России» (1858), а также «Былое и думы» (оригиналы и переводы отдельных частей «Былого и дум» выходили в Европе в 1854–1866 годах). У Герцена швейцарский автор мог найти характеристики российского государственного деспотизма и общественного протеста, оценку литературы и ее все возрастающей роли в русском обществе.

В пятом, заключительном томе труда швейцарского историка культуры, который вышел после трехлетнего перерыва, в 1874 г., под заглавием «Диалектика культурного процесса и его конечные результаты», России посвящены две главы: одна в первой части книги, носящей заглавие «Государственная политика», и другая в пятой, последней части, отведенной литературе, в подразделе, посвященном славянским народам. Здесь Гонеггер с новой силой ожесточается против самодержавной империи, и гражданское негодование почти заслоняет от него русскую литературу, к которой он словно бы охладевает, усматривая в ней теперь сплошь иномысленные

⁹³ Там же. Bd. 4. S. 524–529. Однажды с Гонеггером случился забавный казус, говорящий о том, что тот не всегда вникал в используемые материалы. Так, В. А. Жуковский фигурирует в его книге о русской культуре в двух лицах — как поэт Shukowski, друг Пушкина, и как переводчик немецких и английских поэтов Zukowski, принадлежащий к кругу Н. Карамзина (см.: *Honegger J. J. Russische Literatur und Cultur...* S. 220–221).

⁹⁴ См.: *Черняев П.* Успехи русской литературы в Западной Европе за последнее время. Казань, 1885; *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1965; *Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе: Статьи и разыскания. Л., 1970; *Алексеев М. П.* Пушкин и Запад // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература / Отв. ред. Г. П. Макогоненко, С. А. Фомичев. Л., 1987. С. 266–313.

⁹⁵ Библиографию и оценки см.: *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur, 1800–1848. Berlin, 1970.

влияния, преобладание социалистических и революционных тенденций и трагизм «высокомыслящих умов», обреченных прозябать среди «ничтожества национальной жизни»⁹⁶. Именно в этом томе, в политической части которого говорится о борьбе в России западников *во главе с Герценом* против «старорусских» фантазий славянофильства, ощущается влияние страстного протеста этого русского политического изгнанника. Гонеггер не скупится на гневные слова о нравах «азиатских орд», тормозящих социальный прогресс в России, о «ледяной стуже и железных оковах рабства», об «однообразии огромных степных пространств, воздействующих на общественную жизнь нации» и т. д., и т. п.⁹⁷

Эта риторика, продиктованная, с одной стороны, искренним неприятием самодержавия, социального и национального гнета и, с другой стороны, впитавшая в себя мифологизированные стереотипы, на протяжении целого ряда столетий влиявшие на представления среднего европейца о холодном и полудиком «северном колосе», также, конечно, не была изобретением Гонеггера. В созданном им для себя и для читателей образе России соединились старые клише с новыми известиями о борьбе внутри современного российского общества и о совершенно особом положении литературы в жизни России второй половины XIX в.

В 1880 г., через шесть лет после окончания пятитомника «Основные черты всеобщей истории культуры» и в один год со вторым изданием очерка культуры XIX в., появилась упоминавшаяся уже большая — объемом почти в четыре сотни страниц и форматом в увеличенную четвертку — книга о русской культуре и литературе. В предисловии Гонеггер назвал некоторые свои источники. Это записки путешественников и работы «некоторых французских историков» (с. VI), причем главенствующую роль и в том, и в другом случае играл, по-видимому, маркиз Астольф де Кюстин, автор широко известной книги, а в сущности, политического памфлета «Россия в 1839 году»⁹⁸. К источникам своего труда Гонеггер относит также «Русскую национальную библиотеку», издававшуюся в Лейпциге, под которой имеются в виду, по всей вероятности, издания переводчика Вильгельма Вольфзона (писавшего также под псевдонимом Карл Майен) «Художественная литература русских» и три тома «Русских новеллистов»⁹⁹.

⁹⁶ См.: *Honegger J. J. Grundsteine...* Bd. 5. S. 391–392.

⁹⁷ Там же. S. 69–74.

⁹⁸ *Custine A. de. La Russie en 1839.* Paris, 1843 (в том же году — немецкий перевод).

⁹⁹ *Wolfsohn W. (Maien, Carl). Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen.* Abt. 1. Leipzig, 1841 (продолжения не последовало); *Rußlands Novellendichter.* Bd. 1–3. Leipzig, 1848–1851. К этим изданиям В. Вольфзон добавил в 1862 г. журнал «Русское обозрение» («Russische Revue»).

В тексте книги Гонеггер цитирует, кроме Кюстина и Вольфсона, французского публициста А. Леруа-Болье, Ивана Аксакова и Николая Тургенева. памфлет П. В. Долгорукова «Правда о России» и, конечно, работы А. Герцена, которого он мог знать лично. В книге отразились, как выражается Гонеггер, его «давнишние связи с так называемой русской эмиграцией» (с. VII).

В Женеве шестидесятых годов, напомним, Герцен и Огарев издавали на французском языке газету «Колокол». Вокруг редакции группировались старшее и младшее поколение революционных эмигрантов, и их споры глухо отзываются на страницах книги Гонеггера. Швейцарца мог притягивать к себе общественный темперамент русских изгнанников, но крайности их взглядов — например, М. А. Бакунина или С. Н. Нечаева — отпугивали его. «Подобно тому, как я осуждаю правящее самодержавие в целом, полагая его врагом и разрушителем культуры, — считает он нужным подчеркнуть, — столь же непримиримо смотрю я, с другой стороны, на всю современную революцию с ее нигилизмом как на варварскую и бессмысленную затею» (с. VII–VIII). Гонеггер пеняет Герцену — в главе о нем (с. 276–279) — за то, что его «Колокол» стал терять авторитет, как только издатель начал одобрять крестьянские бунты и увлекся «самыми безудержными радикальными фантазиями».

Смысл характеристик, которые Гонеггер дает в своей книге русским писателям, читатель может в общем представить себе по предыдущему изложению. В своих отзывах о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Алексее Кольцове швейцарский автор нередко ссылается на Белинского, хотя мнения русского критика не являются для него определяющими. Так, Лермонтов ставится выше Пушкина, а южные поэмы последнего ценятся выше «Евгения Онегина». Такое представление навеяно, скорее всего, концепцией Ф. Боденштедта, выпустившего в 1854–1855 годах три тома своих переводов из Пушкина.

Заметим кстати, что Гонеггер, по его собственному свидетельству, умел читать по-русски. Как уточняет он в предисловии, он выучил язык для своего личного пользования, «совершенно самостоятельно (ganz privatim)» (с. VI), по-видимому, специально для того, чтобы собирать материал для своей книги о России. Цюрихский профессор был известен как автодидакт и полиглот. Но все-таки, как можно судить по тексту книги, сведения о русской литературе черпались им чаще всего из переводов, хотя он указывает иногда и на публикации тех или иных произведений в оригинале.

Очень симпатичен Гонеггеру М. Е. Салтыков-Щедрин (с. 296–305). Швейцарец способен оценить сарказм «Очерков провинциальной жизни» и догадывается об этической задаче щедринской сатиры. Он считает, что в России «умные и талантливые очерки Салтыкова

стали сигналом к появлению реалистической школы с острой политической тенденцией» (с. 305)¹⁰⁰.

Самый большой очерк, которым и заключается книга, посвящен И. С. Тургеневу (с. 311–360), гений которого, по Гонеггеру, венчает собой современную русскую словесность. Тургенев, пишет он, «вероятно, самое значительное из всех имен, во всяком случае, один из самых великих, если не величайший очеркист и рассказчик века, в сущности своей все еще наполовину идеалистический романтик, наполовину реалист» (с. 310). Гонеггер имеет возможность охватить взглядом почти весь творческий путь Тургенева, своего современника, основываясь даже только на переводах, которые к концу семидесятых годов давали уже довольно полное представление о творчестве писателя¹⁰¹. Он понимает общественное значение «Отцов и детей», «Дыма», «Нови», особенно его впечатляет тургеневская критика нигилизма, которую он считает даже слишком щадящей. И все-таки он видит в Тургеневе «полуромантика». В своей критике русского общества Тургенев кажется Гонеггеру чрезмерно мягким. «Великий писатель заблуждается, — пишет швейцарец в конце своей книги, — если он, предполагая свой образованнейший ум в других людях, надеется, что сегодня можно найти такую территорию общего согласия, на которой могут быть мирным путем изжиты огромные недостатки его страны. Русский ответ на это благодушное воззрение (*diese wohlwollende Anschauung*) быстро дали ему правящие круги» (с. 360)¹⁰². Упоминание о тургеневском «благодушии», которое было характерной внешней чертой писателя в зрелые годы, позволяет предполагать, что Гонеггеру удалось, может быть, видеть Тургенева воочию или же он слышал рассказы тех, кто знал писателя лично.

Попутно Гонеггер роняет следующую фразу: «Еще больше досталось всему русскому обществу в той картине его, этого же времени и также посвященной нигилизму, которую Писемский озаглавил “Взбаламученное море”, не говоря уже о двух разительных портретах,

¹⁰⁰ Гонеггер ссылается на немецкий перевод «Очерков» Щедрина (*Saltikow N. Skizzen aus dem russischen Provinzialleben / Deutsch von A. Mecklenburg, Berlin, 1860. 2 Bände*).

¹⁰¹ См.: I. S. Turgenev und Deutschland: Materialien und Untersuchungen / Hrsg. von G. Ziegengeist. Bd. 1. Berlin, 1965 (продолжения не последовало).

¹⁰² По всей вероятности, это — отклик на известия о недовольстве двора торжествами в связи с приездом Тургенева в Россию в феврале–марте 1879 г., а также отражение конфликта между Тургеневым и российскими властями, возникшего после появления в парижской печати в октябре 1879 г. его предисловия к очеркам «нигилиста» И. Я. Павловского (см.: *Чернов Н. Спасско-Лутовиновская хроника. 1813–1883. Документальные страницы литературной и житейской летописи*. Тула, 1999. С. 312–319).

созданных Достоевским» (Там же)¹⁰³. Это всё, что Гонеггер написал о Ф. М. Достоевском, не успев осознать подлинный вклад писателя в русскую литературу. Кстати, имя Л. Н. Толстого в книге и вовсе не упоминается, хотя уже написаны «Война и мир» и «Анна Каренина». Остается предположить, что швейцарский автор либо подходил к русской литературе выборочно и его интересовали больше всего те современные ее деятели, которых можно было зачислить в явные, прямые обличители российской отсталости, либо ему просто не хватало сведений.

Все то тяжелое и мрачное, что можно найти у Гоголя, Тургенева, Писемского, Салтыкова-Щедрина — все это, по Гонеггеру сполна характеризует русскую жизнь, которая переживает, — очевидно, со времен Николая I и до семидесятых годов, — «крайне неутешительный упадок, эстетический и моральный» (с. VII), Правда, автор делает здесь оговорку: «Этим я не хочу сказать дурного слова о народе, о русской нации, что было бы большой глупостью. Налицо все добрые качества, а также и дух! Но...». Тут Гонеггер не может отойти от своей главной обличительной темы и продолжает: «Но сверху донизу, во всех слоях и кругах, недостает их верного употребления. Я был знаком со многими из русских, с людьми, богатыми духом, но редко кто из них знал, что ему с этим духом делать» (с. VIII). Нельзя отказать Гонеггеру в наблюдательности в связи с российским типом «лишнего человека». При этом кажется странным промахом то, что швейцарский критик прошел мимо романа И. А. Гончарова «Обломов» и вообще мимо творчества этого писателя.

Первая часть книги Гонеггера открывается вопросом «Что такое Россия?» («Was ist Rußland?»). «Россия, — отвечает сам же автор, — это страна самых чудовищных противоречий, внешних и внутренних» (с. 14). Противоречия эти и климатического и социального порядка. «Россия являет собой самую резкую противоположность остальной Европе: это — континентальная часть Европы и вместе с тем она служит явственным продолжением равнин и плато Центральной и Северной Азии. Даже российские моря с их долговременной недоступностью или штормовой суровостью (речь идет, по-видимому, о морях, прилегающих к Северному Ледовитому океану. — Р. Д.) имеют антиевропейский характер» (с. 15). И далее сле-

¹⁰³ Имеется в виду «антинигилистический» роман А. Ф. Писемского 1863 г. и, может быть, романы Достоевского «Преступление и наказание» (1866) и «Бесы» (1872), если только до Швейцарии дошли к тому времени известия об этих произведениях. Следует, однако, учесть, что романы Достоевского стали переводиться не ранее 1880-х гг. Поэтому, вероятнее всего, Гонеггер имеет в виду здесь не их, а «Записки из Мертвого дома» (точнее, некоторые эпизоды этой книги), так как переводы «Записок» появились на Западе еще в 1860-х годах.

дуют уже знакомые нам сетования на «безудержное однообразие» Русской равнины, этой «колыбели русского народа», причем убедиться в этой судьбоносной равнинности, как всерьез сообщает Гонеггер, можно-де сразу, — стоит только, как это делают иностранные путешественники, бросить взгляд из окон поезда Петербург-Москва (с. 16). В довершение всего в российском обществе, по убеждению швейцарца, отсутствует самая сердцевина, а именно «прочно стоящее на ногах деятельное среднее сословие» (с. 20). Вся эта довольно неуютная картина в глазах Гонеггера достойна сожаления.

Гонеггер пишет о том, что в головах «массы западноевропейцев» сложился малопонятный и пугающий образ России. Так называемое «Завещание Петра Великого», публицистическая подделка, пущенная в оборот в конце XVIII в., в наполеоновское время, с целью дискредитировать Россию в глазах европейских государств, надеявшихся на нее в противодействии завоевательным планам французского диктатора, помогала обосновывать политическую и бытовую русофобию на протяжении всего XIX в.¹⁰⁴ К этому поддельному документу, в котором декларировалась некая исконно завоевательная доктрина России, направленная против всей Европы в целом, Гонеггер как историк относится без доверия. Тем не менее, сама мысль о стремлении Российской империи распространиться к западу и к югу (пресловутая идея завоевания Константинополя) не кажется ему невероятной. По его словам, «Завещание» Петра хоть и мнимое, но вполне подходит для русских, якобы считающих, что «еще молодой и деятельный народ призван для господства в будущем над Европой, поскольку, дескать, старые нации в этой части света либо уже достигли периода старческой немощи, либо к нему приближаются» (с. 23). В доказательство он обращается к русским литературным текстам и приводит две цитаты, значимые для нашей темы.

Гонеггер цитирует в немецком переводе строфы известной стихотворной сатиры П. А. Вяземского «Русский бог»:

Genius edler Annen-Ritter,
Herr der Knechte ohne Schuh`,
Knechtlich denkenden Bojaren,
Russengenius — das bist du!

Geist der Prügel und der Peitschen,
All des Volks, das uns lief zu,
Insbesondere Hort der Deutschen,
Russengenius — das bist du! (с. 27)¹⁰⁵

¹⁰⁴ См.: *Kopelew L.* Zunächst war Waffenbruderschaft // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert...* S. 76–77.

¹⁰⁵ Дословный прозаический перевод: «Гений благородных анненских

Если сравнить это переложение с подлинником, становится ясно, что в соответствующих строфах Вяземского (шестой и девятой, заключительной) говорится несколько о другом:

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог¹⁰⁶.

Вяземский саркастически высмеивает контраст между чиновничьей, казенной идеологией и неустройством, несвободой русской жизни. В переводе слово «бог» («русский бог» — формула из словаря казенного патриотизма) заменено понятием Russengenius — «русский гений», «русский дух». Таким образом сатира переадресована русским вообще, которые, ко всему прочему, еще и не могут якобы обойтись без немцев. В конце своей книги Гонеггер так комментирует эту мысль из немецкого перевода (не сам ли он перевел эти строфы?). «Так или иначе, волей или неволей, — рассуждает он, — мирным образом или в результате вражды, захочет ли он того или станет буйно противодействовать, — этот полуазиатский колосс будет вынужден подчиниться немецкой культуре и ее жизненным принципам!» (с. 130).

Другой случай цитирования. «Послушаем князя Одоевского», — предлагает Гонеггер и приводит немецкий вариант нескольких фраз: «Западная Европа представляет собой странное и печальное зрелище. Одно мнение борется с другим, сила против силы, трон против трона. Наука, искусство и религия, эти три активных двигателя общественной жизни, утратили свое влияние... Западная Европа на прямом пути к гибели. Мы же русские, напротив, молоды и свежи и не были соучастниками преступлений Запада. На нашу долю выпала великая миссия. Наше имя уже начертано на победных скрижалях, и ныне мы должны запечатлеть наш гений в истории человеческого духа. Высшая победа, победа знания, искусства и веры ожидает нас на развалинах рухнувшей Европы». «Стоит лишь подождать! — иро-

---

кавалеров, / Господин лакеев без сапог, / Бояр, с лакейскими помыслами, / Русский гений — это ты! / Дух битья и кнутов, / Всякого народа, сбжавшегося к нам, / В особенности кумир немцев, / Русский гений — это ты!»

¹⁰⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 219–220. Стихотворение было впервые опубликовано в виде листовки А. И. Герценом в Лондоне, в 1854 г.

низирует Гонеггер в этой связи. — И тогда, согласно сверх-патриотической теории, русская история примет великолепный вид» (с. 23)¹⁰⁷. За словами Одоевского о победе «человеческого духа» ему видятся казаки с нагайками.

Текст, который излагает швейцарский автор, взят им из разных мест «Эпилога» к «Русским ночам» В. Одоевского. Напомним, что герой книги, мыслитель Фауст читает там слушателям рукопись неких своих «молодых друзей». Они сетуют на то, что в истории случаются «несчастные эпохи противоречия», когда «все опровергнуто, все поругано, все осмеяно...». Приведем места подлинника, соответствующие переводу Гонеггера: «В нынешней старой Европе мы видим то же... — Горькое и страшное зрелище! Мнение против мнения, власть против власти, престол против престола, и вокруг сего раздора — убийственное, насмешливое равнодушие! Науки <...> раздробились в прах летучий. <...> В искусстве давно уже истребилось его значение. <...> Религиозное чувство на Западе? — оно было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура <...>. Религиозное чувство погибает! <...> Погибают три главные деятели (так! — Р. Д.) общественной жизни! Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени — слишком простым: Запад гибнет! <...> Иногда кажется, само Провидение <...> хранит <...> народ, долженствующий показать снова путь, с которого совратилось человечество, и занять первое место между народами. Но один новый, один невинный народ достоин сего великого подвига; в нем одном, или посредством его, еще возможно зарождение нового света, обнимающего все сферы ума и общественной жизни. <...> Европа назвала русского *избавителем!* в этом имени таится другое, еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно *тело* должны спасти мы — но *душу* Европы! — Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны к преступлениям старой Европы <...>. — Велико наше звание и труден подвиг! Всё должны оживить мы! Наш дух вписать

¹⁰⁷ Подлинник Гонеггера: «Westeuropa bietet ein seltsames und betrübendes Schauspiel dar. Eine Meinung kämpft gegen die andere, Macht gegen Macht, Thron gegen Thron. Wissenschaft, Kunst und Religion, diese drei Hauptmotoren des socialen Lebens, haben ihre Macht verloren... Westeuropa ist auf dem vollen Wege zum Verderben. Wir Russen dagegen sind jung und frisch und haben an den Verbrechen des Westens keinen Theil genommen. Uns bleibt eine große Mission zu erfüllen. Schon ist unser Name auf den Tafeln des Sieges eingeschrieben, und nun sollen wir in der Geschichte des Menschengenies unser Genie einzeichnen. Eine höhere Art von Sieg, derjenige des Wissens, der Kunst und des Glaubens, erwartet uns auf den Ruinen des zusammenbrechenden Europa».

в историю ума человеческого, как наше имя вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа — победа науки, искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы...»¹⁰⁸.

Из реплик персонажей «Русских ночей» далее видно, что и Фауст, и его собеседники не без критики относятся к страхам и прогнозам авторов рукописи. Одоевский делает такое примечание: «Внимательный читатель заметит, что в этих строках вся теория *славянофилизма*, появившаяся во 2-й половине текущего столетия»¹⁰⁹. Однако идея восполнения, оживления западной культуры, в которой все заметнее проявлялось влияние мещанского, буржуазного безвкусица нуворишей, при помощи культуры славянской, русской, казавшейся еще почти не затронутой недугом литературы «толкучего рынка», — идея эта была, видимо, близка и самому Одоевскому.

В рассуждениях отечественных мыслителей об отношении России к европейским культурным ценностям имела одна тонкость. Так называемые западники и ранние славянофилы, представленные, в нашем случае, все еще в едином лице — князе Одоевском, были воспитаны в атмосфере общеевропейской культуры и сознавали это. Критикуя Европу, они критиковали, в сущности, *свою* среду образования и обитания. Ощущение своей причастности к широкому пространству мировой культуры унаследовали — от Пушкина и Гоголя, а также от Гердера и Гете — все более или менее значительные умы России. Даже Н. Я. Данилевский строил, как известно, свою «антиевропейскую» историософию на совершенно европейских основах, тех же самых, что сложились в трудах немецкого историка Г. Рюккерта до него, и проявились впоследствии в книгах Ф. Ницше и О. Шпенглера.

В то самое время, когда Гонеггер искал подтверждение русской агрессивности в переосмысленных фразах Одоевского, «Дневник писателя» за июнь 1876 г. передавал следующие слова Достоевского, которые могут служить непосредственным комментарием к цитированным местам из «Русских ночей». «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, — пишет Достоевский. — <...> Величайшее из величайших назначений, уже сознанных русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству»¹¹⁰.

¹⁰⁸ *Одоевский В. Ф.* Русские ночи / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л., 1975. С. 146–148.

¹⁰⁹ Там же. С. 147.

¹¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1981. Т. 23. С. 30. Представление о мировом «назначении» закрепилось в русской культуре. М. П. Алексеев писал об особой «позиции русской культуры», «издавна приутоговившей себя к высокой интернациональной миссии, к посредни-

Гонеггер превратил мысль В. Одоевского о европейской миссии русской культуры в аргумент в пользу существования агрессивной политической доктрины Российской империи. Представление о такой доктрине, по-видимому, сложилось, как уже сказано, в европейской публицистике еще во время наполеоновских войн, укрепившись в эпоху Венского конгресса и Реставрации, когда военно-политическое консервативное влияние России в Европе было очень значительным. Участие правительства Николая I в подавлении революционных и национально-освободительных движений сороковых годов, жесткая политика России в отношении Польши добавили масла в огонь неприязни и даже ненависти европейских либеральных и радикальных кругов к стране в целом¹¹¹.

К чести Гонеггера надо отметить, что он, как кажется, делает иногда попытки если не отбросить совсем, то хотя бы переосмыслить и ослабить стереотипную русофобию. Он видит обоснованность отрицательного образа России как автократии. «Это было *non plus ultra* ослепления, — пишет швейцарец, — когда среди потрясений 1848 года самодержавное государство, управляемое железной рукой, возомнило, будто оно призвано навести заново порядок в цивилизованном мире. Кладбищенский порядок» (с. 24). Эта мнимая миссия России была заведомо, по мнению Гонеггера, обречена на неудачу не только из-за просчетов внешней политики, но и из-за экономической отсталости страны. Главным злом являлось, естественно, крепостное право, чьими «ужасными братьями» были «водочная чума» (*Branntweinpest*) и телесные наказания. Но не только они, — и тут Гонеггер отдает дань старой теории исконных национальных характеров. Он пишет, что реформы 1861 г. не принесли должного результата потому, что характер русского народа «от природы добродушного», проявил себя в чертах, которые якобы совсем расходятся с общественными нравами на Западе. Дело в том, по Гонеггеру, что «настоящий русский» привык вести себя особенным образом, «как только его перестают давить самодержавная власть и полиция». Русский человек не выносит одиночества. «Стоит только какому-либо сословию, сообществу, людям одних и тех же занятий, обитателям общего временного жилья и проч. завести отно-

---

честву между отдельными народностями...» (*Алексеев М. П.* Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии Ленинград. гос. ун-та. Секция филологич. наук. Л., 1946. С. 214). Ср. также: «Русская классика сильна своим критическим началом. Но этого мало. Нам сегодня важно и другое — ее уникальный нравственный пафос» (*Гулыга А.* Испытание скукой? // Литературная газета. 1980. № 16, 16 апреля. С. 6).

¹¹¹ Например, см.: *Fleischer H.* Marx; Engels, der Zar und die Revolution // *Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert...* S. 684–738.

шения между собой, — утверждается в книге, — тотчас же создается артель (Artell), <...>, она избирает старосту и слепо следует его указаниям. Этот принцип выражает образ мыслей и жизнь народа, едва только народу предоставляется возможность действовать самостоятельно...». «Словом, — продолжает Гонеггер свое рассуждение, — индивидуальность не имеет никакой силы и полностью растворяется в коллективной сущности, в которой она всегда ищет опору; самостоятельности и самостоятельности наверху и внизу нет и следа». К этому славянофильскому мифу об исконной общинности и артельности русского народа¹¹² Гонеггер прибавляет уже известную нам мысль о склонности русских к бродяжничеству, справедливо связывая эту черту, точно так же как и растерянность людей, утративших привычный уклад жизни, с крепостничеством, но меняя местами причину и следствие. Он отмечает, что «крестьяне, освобожденные в ходе реформ, проявляют всеобщую леность» (с. 26) и принимает это состояние за русскую национальную черту.

Разумеется, столь фатально несамостоятельный народ может в руках воинственно настроенного правителя легко превратиться в силу, опасную для Европы. Этот политический миф о России сложился до Гонеггера и дожил после него вплоть до нашего времени, особенно оживляясь в периоды войн и идеологических конфликтов, так как мог всегда служить обоснованием и готовым объяснением отрицательного отношения к России. Забылась милитаристская политика Пруссии времен Фридриха Великого, забылся недавний культ Наполеона во Франции и умение правителей и политиков Западной Европы манипулировать массами, включая, между прочим, также и население вольных швейцарских кантонов.

Для «страны и народа» России есть два пути, полагает Гонеггер. Это — ориентация на Запад, куда Петр I прорубил окно, чтобы «поглядеть на цивилизацию» (с. 31), и второй путь — погружение в прежнее «древнеазиатское <...> варварство», поскольку в русской культуре, как считает критик, отсутствуют «собственно национальные корни» (с. 28), которые могли бы ее питать.

Обвинения, ставшие шаблонными после книги Кюстина (французомания российской аристократии и забвение ею родного языка, искусственность Петербурга как новой столицы и т. д.), вступают в заметное противоречие с тем, что знает Гонеггер о русской литературе. Он не находит в ней старых традиций — у него для этого недостает знаний. Но то, что он пишет о современных ему русских

¹¹² Легенда о крестьянской общине как о вневременной социальной папее русского народа имела отчасти немецкое происхождение — из трудов влиятельного экономиста А. Гакстхаузена (см.: *Schmidt Chr. Ein deutscher Slawophile? August von Haxthausen und die Wiederentdeckung der russischen Bauerngemeinde. 1843–1844* // Там же. S. 196–216).

писателях, и даже те строки о Пушкине и о необыкновенном взлете культуры в России XIX в., которыми открывается его книга, никак не подтверждают мысль о роковой культурной отсталости «северного колосса».

Так что же такое Россия и куда идет она? Эти вопросы, заданные в книгах И. Я. Гонеггера, остались, в сущности, без ответа. Гонеггер ответа не знал и не мог знать. Это не удивительно, потому что искал ответ на эти же вопросы и не нашел его даже Гоголь в «Мертвых душах». Но швейцарский автор завершил свою книгу о русской культуре знаменательными словами, которые показывают, что и у него эстетическое чувство могло временами брать верх над позитивистской и социологической концепцией культуры, и тогда искусство побеждало политику. Последние строки книги Гонеггера звучат так: «... но одно во всяком случае несомненно — то, что нам следует безоговорочно и с радостью присоединиться к хвалам, приносимым этому гению!» (с. 360)¹¹³. Речь идет ни о чем ином, как о *гении* Ивана Тургенева. Не эти ли заключительные слова, в такой же мере, как и высокую оценку роли Пушкина в начале книги, можно рассматривать как не прямые, но объективные ответы на вопрос Гонеггера о том, обладает ли русская литература своим особым характером и каково в XIX столетии культурное значение России для Европы?

Мифический образ мрачной монолитной державы, которая угрожает государственности и культуре стран целого континента, зловещий мираж, созданный политическими спекуляциями и неосведомленностью публики, рассеивается очень медленно. Однако уже в 1880 г. в мрачной картине появились просветы. На риторический вопрос И. Я. Гонеггера, так что же такое Россия, лучше всего ответили своим творчеством Пушкин и Тургенев.

---

¹¹³ Подлинник: «... was aber nicht in Frage steht, ist dieses, daß wir uns ohne allen Rückhalt freuen dürfen über die Huldigung, die dem Genie geworden!»